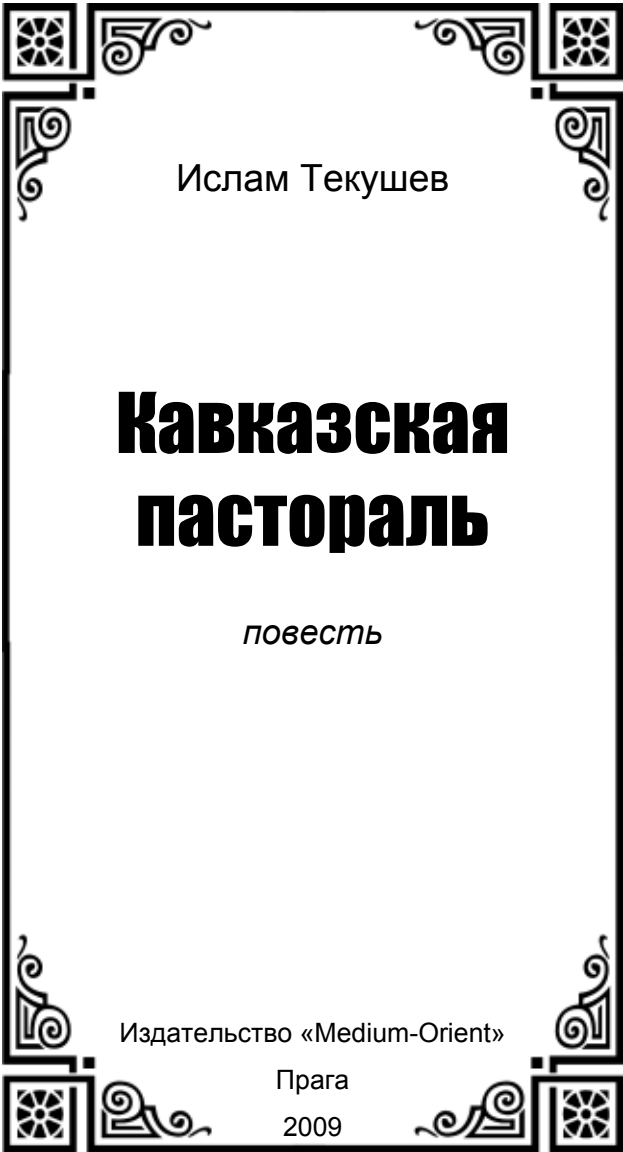

Ислам Текушев

Кавказская пастораль

повесть

Издательство «Medium-Orient»

Прага

2009

Текушев И.Ф. Кавказская пастораль. – Прага, 2009.
– 148 с.

ISBN 80-86313-24-7

События, о которых повествует данное произведение, происходят в маленьком северокавказском поселке в переходный период. Повесть рассказывает об общей трагедии поколений, чья старость и молодость пришлось на развал некогда могучей страны. Мир, в котором живут герои Ислама Текушева, находится в состоянии постоянного конфликта людей и жизненных обстоятельств.

Главные герои повести дедушка Галим, человек уходящей эпохи, и его внук Давид, олицетворяющий собой новое время – помогают друг другу пережить тяжелые для них обоих времена. Истина, к которой вместе идут старец и его внук рождается в извечном споре двух поколений. Автор произведения старается передать то, как меняется мир взрослеющего ребенка, его психологический портрет. Ислам Текушев показывает, что современные дети живут в сложном, противоречивом мире. Им нелегко принять правильное решение, но еще труднее его принять старикам, не поспевающим за быстrotечным временем.

© Текушев И.Ф., 2009
© Издательство
«Medium-Orient», 2009

ISBN 80-86313-24-7

*Посвящается моим дорогим
дедушке и бабушке*

Опасно возвращаться в места своего детства, большей частью там поселяются разочарования, всплывают призраки минувших дней и обид, а легкие тени унесенных временем людей напоминают о том, как жизнь быстротечна и безвозвратна.

И все же детство стоит иногда навещать, чтобы не зарастить чертополохом забвения сад воспоминаний. Я любил свое детство, находясь в нем с дорогими мне людьми. И не без щенячьего чувства восторга, присущего маленькому шалопаю, спешил насладиться этим миром.

Знакомство

Прекрасным летним утром Давид проснулся в наполненной солнцем комнате. С пробуждением его душа прониклась восторженной радостью, которая по обыкновению освещает сердца всех детей мира в тот момент, когда они открывают свои глазенки после долгого и по-детски крепкого сна. Эту радость не понять взрослым, она приходит вместе с осознанием того, что у тебя новый день, новые события и все самое хорошее и интересное впереди.

Давиду было шесть лет. Он вскочил с кровати, быстро просунул ноги, исполосованные царапинами, в тесные шорты и вприпрыжку побежал на кухню, откуда доносились ароматы бабушкиной стряпни.

Только вчера он расстался с отцом, которого покинула мама. Обстоятельства разлуки с отцом не оставили в его маленьком сердце непреодолимой горечи. И все же сцена прощания неожиданно и вновь, не спросив разрешения у Давида, возникла у него перед глазами. Отец объяснял Давиду, почему взрослые, иногда, несмотря на то, что любят друг друга, вынуждены разойтись. Он говорил, что очень любит его и маму.

– Давид. А, Давид!

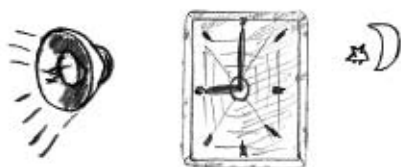
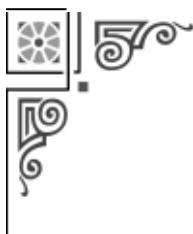
Процесс извлечения очередной козявки из носа был прерван бабушкой.

– Перестань ковыряться в носу, он у тебя скоро отвалится, – крикнула недовольно бабушка

Мусульмат. – Пошел с глаз моих, неумытый мальчишка. Иди умойся, а потом приходи завтракать.

Давид обожал бабушку, несмотря на то, что она постоянно его поучала. С бабушкой Давид проводил почти все свое время. Он любил смотреть на ее большой кавказский нос, платок, повязанный таким образом, что ее тень напоминала зверька с длинными ушами. Но больше всего Давида развлекал бабушкин зуб, он у нее был один, и когда бабушка чем-то усердно занималась, например, мешала пасту, он выступал у нее наружу также забавно, как у зайца из мультяшки «Ну, погоди!» Получив командную установку от бабушки, Давид вынужден был направиться в комнату, которая не доставляла маленькому баловню никакой радости. Из ненавистой комнаты доносились страшные звуки, напоминающие те, которые издает пароход, когда спускает пар.

Но Давида это мало пугало, он знал, что ужасающие звуки исходят от дедушки Галима. Так он по утрам освобождался от всего, что накопилось в нем за минувшую ночь, прочищая с яростной основательностью уставшие от хронического воспаления бронхи. И все же Давид не без любопытства наблюдал за тем, как умывается дедушка. Этот процесс был сродни извержению вулкана Везувий, о котором не раз рассказывал дед, листая свои большие книжки. Больше всего Давида веселила процедура чистки ушей и похлопывания по затылку, сопровождающаяся всхлипами, напоминающими мурлыканье домашнего кота Сию.

Давиду надоело смотреть на дедушку, и он решил побыстрее закончить с собственным умыванием и отправиться на кухню, где, как он и предполагал, его ждали бабушкины лакомые, сыр, сметана и калмыцкий чай.

– О, ты встал, Давид! – вытирая несоразмерно маленьким полотенцем свой длинный нос, приветствовал внука дедушка Галим.

– А ну-ка давай, мойся, как подобает мужчинам. Если не умоешься, как следует, с тобой будут кушать шайтаны, – предупредительно заметил дед.

Дедушка Галим был типичным представителем кавказских народов. Он был высок и статен. Взгляд его был суров, но с добринкой. Лицо было продолговатым, с массивными скулами. Черные и густые брови треугольником ложились на его широкий лоб. Серые, почти белые волосы, были зачесаны назад. Длинный, грушевидный нос придавал старику особый кавказский колорит. Ходил дедушка Галим важно и уверенно.

Давид, волоча ноги, все еще представляя себе, какой прекрасный сон поутру он мог бы досмотреть, если бы не привередливые старики, разбудившие его спозаранку ароматами стряпни и дружными окликающими, подошел к умывальнику, сердито открыл кран ровно настолько, насколько стакан воды можно было бы наполнить не раньше часа. Затем протянул указательный палец к струе так, чтобы намок только его кончик, повозил им по густым, не по мальчишечьи загнутым ресницам и, наконец,

воодушевившись, приступил к накладыванию зубной пасты «Чебурашка» на зубную щетку «Чебурашка». Зубы Давид чистил от души. Ему почему-то нравился мятно-сладкий вкус зубной пасты. Завершив процесс умывания, который занял чуть более трех минут, Давид двинулся к столу, где его ждали бабушкины лакумы, сыр, сметана, калмыцкий чай и дедушка Галим.

Давид терпеть не мог завтракать с дедушкой, но того требовал кавказский этикет, в который маленький проказник был посвящен уже давно. К завтраку дедушка Галим подходил с такой же ответственностью, как и к умыванию.

— Не спеши, Давид, пережевывай еду тщательно, не играй кружкой, чай горячий, обожжешься.

Завершив утреннюю трапезу, дедушка Галим встал из-за стола, накинул плащ, надел шляпу и со словами «не хулигань», устремился в Чегемскую среднюю школу номер 1, где вот уже более тридцати лет он работал завучем и с неистовой любовью преподавал географию.

Дедушка Галим был незаурядным сельским учителем. Будучи географом, он знал об этом мире все, но не разу не покинул пределы Советского Союза, замкнутые империей для большинства простых граждан. Например, дедушка Галим знал численность и этнический состав населения Гондураса, мог назвать наиболее часто встречающиеся полезные ископаемые в любой стране мира. Наугад, ткнув пальцем в небо, от него можно было услышать

характеристику той или иной звезды, что вероломно исчезала под пристальным взглядом Давида, который так и пытался ее пробурлить, чтобы запомнить раз и навсегда неприятный рассказ бабушки.

Галима Хажевича знали и уважали все жители Чегема: от мала до велика. Давид об этом знал и очень гордился своим представительным и бесспорно мудрым дедушкой.

Не доев до конца лакум, Давид бросил его на тарелку и, насвистывая мелодию собственного сочинения, рванул сразу после завтрака на улицу, где его ждала соседская ребятня, с которой он планировал поближе познакомиться.

Знакомство с местной шпаной прошло без эксцессов. Давид сидел с деревянным автоматом в засаде за большим жасминным кустом и вдыхал запах распаренного солнцем винограда, когда сквозь курчавую листву деревьев мелькнула чья-то тень, и он услышал голос матери: «Давид, а ну, быстро домой!» Он и не заметил, как вмиг пролетел лупастый солнцем день. Попрощавшись с новыми друзьями, мальчуган впереди мамы побежал домой, где его ждали бабушка Галим, бабушкины лакумы, сметана и жаркое, которые так любил маленький Давид.

Школа

Утром Давида разбудила мама. Давид уже знал, что он сегодня пойдет в школу, вчера вечером его об этом торжественно проинформировал дедушка Галим. «Одни двери закрываются, а другие открываются, мой дорогой внук», – возвестил поутру дедушка.

Давида умыли, надели школьную форму темно-синего цвета с эмблемой на рукаве, и посадили за стол, где его уже ждали дедушка Галим, бабушкины лакумы, сыр, сметана и калмыцкий чай.

– Не спеши, Давид, пережевывай еду тщательно и не играй кружкой, чай горячий, обожжешься, – по уже сложившейся традиции произнес дедушка.

– Давид! – приподнято обратился дедушка к внуку. – Сегодня у тебя начинается новая жизнь, ты научишься писать и читать. И знай, я сделаю из тебя человека, маленький бездельник, – заключил свою речь дедушка Галим, со вкусом запивая сказанное горячим чаем.

Дождавшись, когда Давид доест последний лакум, дедушка Галим встал из-за стола, накинул плащ, надел свою черную, немного потертую шляпу, взял Давида за руку, и они вместе отправились в школу.

Дорога в дедушкину школу была покрыта гравием, она была извилистой и до противности неровной. Давид бежал за дедушкой,

перепрыгивая небольшие лужицы и свежий коровий помет, который с утра успели наложить неблагодарные животные по пути на пастбище.

– Не опережай меня, Давид, иди, немного отставая, держись слева от меня. Я старше тебя и это некрасиво, что скажут люди, – наставлял Давида дедушка, успевая при этом здороваться с прохожими.

Кавказскому этикету дедушка Галим уделял особое внимание, а потому поведение маленького Давида всегда рассматривалось исключительно через эталонные образцы Нартского эпоса.

Но Давид не слышал дедушку, он считал лужицы. Когда почтенный дедушка с внуком подошли к школе, Давид насчитал сто сорок одну лужицу.

Дедушкина школа впечатлила Давида. Такого количества детей сразу Давид не видел никогда. Школьный двор напоминал палитру художника. Необузданным потоком дети то заносились в школу, то выносились из нее.

«Здравствуйте, Галим Хажевич! Здравствуйте, Галим Хажевич», – сыпались на дедушку Давида со всех сторон приветствия.

Преодолев школьный коридор, почтенный старец и внук зашли в класс, где уже сидели за партами тридцать таких же сорванцов, как и Давид. Встретила их высокая черноволосая женщина.

– Здравствуй, Давид, я о тебе уже слышала, добро пожаловать в нашу школу, – сказала она, не спуская глаз с других учеников. – Я твоя учительница, меня зовут Мария Ибрагимовна.

Мария Ибрагимова была высокой и худощавой женщиной лет тридцати пяти со строгой педагогической внешностью, что производило немалое впечатление на резвых первоклашек, взволнованных суетой первого школьного дня.

Давиду даже показалось, что она ему чем-то напоминает его маму. Мария действительно была похожа на маму Давида, и это было вовсе неслучайно. Она была родственницей Давида, но он об этом тогда не знал. Вообще в селе Чегем, с населением чуть больше четырех тысяч человек, практически все кем-то доводились друг другу, если и не были прямыми родственниками.

Давида посадили с некрасивой девочкой по имени Арина. Давид и раньше имел опыт общения с девочками и знал, что все они плаксы и ябеды. А у этой на лице было написано, что ждать не придется долго. В первый же день, как и предполагал Давид, Арина расплакалась.

– Давид, ты не должен обижать Арину, – сказала Мария Ибрагимовна маленькому Давиду, который в это момент выглядел абсолютно невинным и старался соответствовать этому образу. – Ты должен ее защищать, помогать ей, но никак не говорить ей, что у нее большой нос. Не обижай девочку, будь джентльменом. И попроси у Ариночки прощение.

Давид не пошел бы на такую унижительную сделку, если бы только смекнул, что на второй день над ним попытается надругаться бабушка ябеды Арины, Харусат.

Была перемена, Давид гордо жевал коржик за пять копеек, купленный им в школьном буфете, когда пронзительный крик отвлек его от трапезы.

– Ах ты, маленький негодяй – хабыршыбыр –, ну-ка иди сюда, – прокричала старушка лет семидесяти, приближаясь к Давиду со скоростью гончей собаки.

– Это у моей внучки большой нос? Это у тебя сейчас будет большой нос!

Погоня продолжалась несколько минут. Бабушка Харусат, гоняясь за объектом мщения, сметала на своем пути школьные столы, стулья, одноклассников Давида. Когда старушка настигла Давида и ее корявые пальцы, как плоскогубцы, впились в нос Давида, в класс зашла учительница.

В этот день Давид, Арина и бабушка Харусат впервые побывали в кабинете завуча Чегемской средней школы номер один. Давид не узнал дедушку, он был каким-то неродным. Его взгляд был грозным и пронзительным. Смотрел он на Давида, словно следователь на подозреваемого в особо тяжком преступлении. После того, как учительница Давида отрапортовала о случившемся ЧП, Галим Хажевич со словами: «А с тобой, мерзавец, мы еще дома поговорим!» – выставил родного внука за дверь.

Дома Давида наказывали всей семьей. В процессе экзекуции принимали участие все: мама, дедушка, бабушка и даже кот Сιο. Особую активность проявлял дедушка, который предложил запереть Давида в подвале, где темно и сыро.

Тремя голосами «за» и одним «против» Давида поставили в угол, откуда он мог смотреть телевизор. Вместе с ним изменнически оглядываясь на деда, в угол отошел и кот Сιο.

На следующий день Давида пересадили к красивой девочке Анжеле с большими зелеными глазами и туго сплетенными в корзинку косичками. С Анжелой Давид понял, что имела в виду Мария Ибрагимовна, когда просила маленького Давида быть джентльменом.

Получив удовлетворение оттого, что наконец-то избавился от ябеды Арины, Давид с вдохновением приступил к учебе. Учеба давалась ему легко. В отличие от большинства одноклассников Давид еще до школы знал русский язык, и, следовательно, понимал все, что говорит учительница. Давид учился на пятерки, и дедушка, как полагал Давид, гордился им, а Давид гордился дедушкой, которого в школе боялись и уважали все, даже Мария Ибрагимовна. Так прошел учебный год, и наступило время заслуженного отдыха – каникулы.

Нескучное лето Давида

До этого у Давида не было каникул, но он хорошо знал, что каникулы предназначены для того, чтобы наслаждаться солнцем, речкой, песчаным пляжем и спелой черешней из соседского сада. Но у дедушки Галима на этот счет было свое мнение.

Выросший в системе социалистических ценностей, дедушка Галим на свою беду никогда не умел отдыхать. Жажда деятельности буквально обуревала им. Труд для него являлся не столько средством приобретения материальных ценностей, сколько главным мотивом в жизни. В процесс работы он умел вовлекать незаметно для себя самого всех, кто подворачивался ему под руку. Трудовые коллективы с легкостью и артистизмом создавались дома, в школе, и даже на черноморском курорте, куда раз в пять лет министерство просвещения республики отправляло восстанавливать свои силы признанного всеми трудоголика. Особенные чувства испытывал дедушка Галим к красным субботникам. Лидерский талант дедушки Галима проявлялся в полном блеске именно в моменты коллективного энтузиазма. Но для этого ему был необходим хотя бы масштаб в одну сельскую школу, если не в одно село. Неистовое трудолюбие дедушки Галима со временем превратило чегемских школьников в главного подрядчика всех сельских садоводческих обществ. И лишь Давид в отличие от сотен воспитанников дедушки Галима отказывался трудиться бесплатно.

Давид спрыгнул с кровати, втиснулся в старые шорты, которые стали ему изрядно малы, и направился через кухню, наполненную ароматами бабушкиной стряпни, в ванную комнату. Умывание уже не доставляло Давиду столько мучений, как раньше. Тщательно умывшись и посмотрев на себя в зеркало, с удовлетворением заметив своему отражению: «Кясавица!» – Давид в предвкушении направился на кухню, где его ждали бабушкины лакумы, сыр, сметана и калмыцкий чай. Дедушки Галима за столом уже не было. Давид встал поздно, а к тому времени дедушка уже поливал свои бесценные помидоры в огороде.

– Давид, позавтракай и помоги дедушке в огороде, – вкрадчиво обратилась к внуку обеспокоенная бабушка Мусульмат. – Тебе не жалко дедушку, который ухаживает за помидорами один? А ведь есть их будет не только он! Ты же любишь салатик из помидоров со сметаной?!

Давид обожал салатик из помидоров, особенно со сметаной, но он ненавидел копаться в огороде. Давиду было скучно, да и с соседского двора доносился возбужденный крик соседского мальчика Мыны, которого только что расстреляли во время игры в войнушку.

Давид быстро допил чай, схватил со стола недоеденный лакум, сунул его второпях в карман и побежал в сторону соседского двора, где минуту назад расстреляли бедного Мыну.

Мына сидел на камне и с завистью смотрел на тех, кто еще был жив и продолжал оказывать

сопротивление. Мына состоял в германской армии и был оккупантом.

Вид у него был такой, как будто в него действительно попала вражеская пуля и вот-вот он покинет этот бранный мир со свинцом в груди и жаждой мести, как изрек в свое время классик. Про связь с великой литературой Мына, естественно, не догадывался и изо всех сил изображал трагически павшего героя.

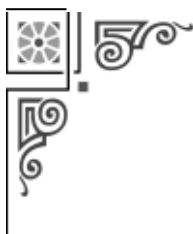
Мына был ближайшим соседом Давида, и они учились вместе в одном классе.

На самом деле у мальчика было два имени помимо этой потешной клички. Бабушка Кулижан называла для исключительной солидности единственного внука Арсеном, а все остальные в доме: мама Мадинат и две тетушки – Зурят и Асият – звали его попроще – Мурат. Но кроме родных, включая и Давида, звали добродушного толстяка чаще всего Мыной, ибо это прозвище ему подходило больше, чем остальные имена.

Да, Мына был рыжеволосый толстяк с голубыми глазами и слегка выпяченным, как у здешнего председателя колхоза, животиком. Походка у Мыны была соответствующей. Ему был должен весь мир.

– Эй, Мына, – крикнул с издевкой Давид. – Тебя опять убили?

Мына виновато посмотрел на Давида и фыркнул: «Это нечестно».

– Из-за таких, как ты, Мына, фрицы и проиграли нашим войну, – сказал Давид и по-дружески похлопал Мыну по плечу.

– Кто у вас сегодня командир? – спросил Давид.

– Хасанбий, – сказал Мына, – указывая деревянным автоматом на сарай, где в засаде, окруженный упорными советскими солдатами, сидел немецкий генерал Хасанбий.

– Эй, Хасанбий, я вместо Мыны, – крикнул Давид и, отняв у добродушного толстяка оружие, побежал воевать на стороне немцев.

Так прошел первый день каникул. Все последующие дни мало чем отличались от первого. Правда, иногда Давиду приходилось помогать дедушке Галиму поливать помидоры в огороде, за что в благодарность его отпускали с соседскими ребятами на речку.

Речка Чегем протекала в двух километрах от дома дедушки. Она брала начало с вершин Большого Кавказского хребта, текла вниз по Чегемскому ущелью, протекала мимо сел Былымгу, Чегем, Лечинкай и впадала в бурный Терек. Давид любил купаться в ней, ему нравилось отдаваться ее воле и нестись с другими детьми вниз по течению на камере от старого трактора.

Он получал неопишное удовольствие от того, как волны бурной реки играли камерой, бросая ее то вверх, то вниз, норовя сбросить отчаянных сорванцов в пучину.

И сегодня Давид, Мына, Хасанбий, Хатрупа и еще пара ребят с соседней улицы плыли вниз по течению, преодолевая, словно профессиональные рафтингисты, водные пороги горной реки.

Дети держались друг за друга, не давая упасть кому-либо с камеры, и Давид поймал себя на мысли, что держится за Хатрупу, с которым он еще вчера подрался. Хатрупа жил во дворе напротив. У него были мама, папа, две старшие сестры и бабушка Гуаша, у которой были усы, как у школьного учителя Давида по труду. Хатрупу звали Мухамед. Но, как вы понимаете, имя пророка ему мало подходило, и его прозвали по-простецки – Хатрупа. Хатрупа, также как и Мына, ничего не означает и не несет какой-либо смысловой нагрузки, но почему-то оба эти прозвища очень подходили их малолетним обладателям.

Хатрупа был врожденным оппозиционером. У него на все было свое мнение, и оно всегда противоречило мнению остальных. Спорить с Хатрупой было абсолютно бесполезно и опасно. Когда у Хатрупы заканчивались аргументы, он отстаивал свою правду при помощи всего, что попадалось под руку.

Противостояние миру сопровождалось нечеловеческими криками и обильным выделением слез. Вдобавок ко всему у Хатрупы болели глаза, и он был очень нервным. Но Давид уже привык к нему и старался не спорить, если речь не заходила о собаках, автомобилях и прочих вещах, по которым у Давида было свое принципиальное мнение.

Процесс анализа отношений с Хатрупой был прерван падением Мыны с камеры.

С пустынного косогора камнем летела бабушка Кулижан, и ее разгневанный голос тревожным набатом звенел над рекой. Кто, как не толстяк, мог соскользнуть с нее, подумал Давид, с упреком глядя на пытающегося выбраться на берег и расползающегося в речной гальке Мыну.

Проплыв уже без Мыны еще сотни две метров, ребята выбрались на берег, подобрали спасшегося толстяка, и, гоня перед собой камеру, побежали обратно в сторону села, где каждого из них ожидали жаркое, домашний хлеб и калмыцкий чай. Да, в те 80-годы, все жили по шаблону, ели одно и то же, одевали одно и то же, говорили об одном и том же, думали об одном и том же, и мечтали об одном и том же.

Дом Давида и образ жизни его семьи особо не мог отличаться от того, что их окружало. Дедушкин дом был классическим произведением советского времени.

Со двора он был одноэтажным, похожим на все остальные дома в округе.

И только со стороны сада, где его не видно было из-за деревьев, он незаметно переходил в двухэтажный коттедж. Как раз это и позволяло дедушке Галиму для редкого ночного бдения астрономических чудес выходить на небольшую лоджию тайком от бабушки Мусульмат, не разделявшей его увлечения небесными светилами в часы, когда Морфей призывал всех к покою.

Если же ему, отрешившись от забот и укрывшись от жены небесным куполом, удавалось остаться наедине со звездами, то он мог часами просиживать в старом кресле, предоставленный своим мыслям.

Выстраданное на учительскую зарплату замысловатое по тем временам здание не было оригинальным архитектурным прорывом дедушки Галима, знавшего архитектурные шедевры Корбюзье ничуть не хуже своих помидоров. Это был единственный выход спрятать от советской власти желание жить лучше, чем остальные. Ведь страна Советов, в которой жил дедушка Галим, наказывала всех, кто жил не по ее стандартам.

Дедушка Галим очень любил свой дом, который он построил собственными руками, не имея при этом специального строительного образования. Азбуку ремесла он в свое время унаследовал от своего отца, его отец – от своего, а дедушка Галим должен был передать его Давиду. Таков был семейный закон, уходящий своими корнями глубоко в историю рода Алоевых. И это клановое ощущение бесконечности рода давало дедушке Галиму силы дышать полной грудью в семьдесят лет, быть непомерно жизнелюбивым и бороться за характер строптивого внука, корни которого были обрублены по глупости собственным отцом.

Битва за разум внука

Строительное дело было сотой частью из того, чему Давиду предстояло научиться от дедушки Галима, но Давид об этом еще не знал. Впрочем, как дедушка Галим еще не знал того, с каким ожесточенным сопротивлением и ослиным упрямством ему предстоит столкнуться в ходе, казалось бы, естественного и устоявшегося веками процесса передачи знаний от одного поколения другому.

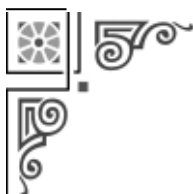
Давид спал свойственным его возрасту крепким и безмятежным сном, когда его вернул на грешную землю утренний клич дедушки Галима.

– Давид! А, Давид! Вставай, бессовестный мальчишка, уже одиннадцатый час. Тебе не стыдно спать так долго?

Давид в недоумении и в надежде на то, что это несерьезно и скоро его оставят в покое, приоткрыл лишь один глаз и посмотрел на дедушку Галима, стоявшего с бодрым видом у кровати. Давид обратил внимание и на то, что стрелка циферблата часов, висевших прямо над головой дедушки Галима, едва покинула цифру девять.

– Сейчас же вставай, бездельник, иначе пеняй на себя!

С мальчуганом так бесцеремонно раньше никто не разговаривал и от удивления Давид приоткрыл второй глаз и, прищурившись, внимательно посмотрел на деда.

У Давида уже не было сомнений в том, что его не оставят в покое. Кроме того, ему что-то подсказывало, что он может схлопотать оплеуху. Не дожидаясь последней, Давид встал, натянул шорты и, что-то бормоча себе под нос, направился в ванную комнату.

Только Давид сунул в рот четвертый по счету лакум (обычно ему на завтрак хватало одного с половиной), как в дверном проеме появился дедушка Галим.

– Давид, дорогой, ты не можешь завтракать до конца дня, у нас много работы, твои любимые помидоры ждут тебя, – произнес с нежностью дедушка Галим уставшему от жизни внуку.

У Давида сжалось сердце, как же он ненавидел поливать эти помидоры! Он это делал всего единожды, но этого ему хватило, чтобы понять, огород – не его стихия. От голосов играющей в соседском дворе ребятни Давиду стало еще хуже.

В огороде уже в полную силу полола грядки бабушка Давида Мусульмат.

– О, ты встал, мой внучек, – радостно, с любовью произнесла бабушка.

Давид молчал, у него не было сил отвечать бабушке. Что-то сломалось в нем и лишило его жизненных сил. Он потерял вкус к жизни, и его вид был способен довести до слез самого безжалостного человека на свете. Но только не дедушку Галима и, как оказалось, не бабушку Мусульмат, для кого, собственно, и была сконструирована столь сложная гримаса на лице.

Давиду был отведен объем работ. Этим капризным и ненасытным растениям была отдана третья часть огорода, что в переводе на единицу измерения составляло около трех соток земли.

– Зачем нам столько помидоров? – отчаянно завопил Давид.

– Это я спрошу у тебя, бездельник, когда будешь их есть, – ответил Давиду дедушка, кинув в сторону ленивого отрока нешуточный взгляд.

Давид хотел обсудить с дедушкой проблему, проинформировать его от том, что ему это неинтересно, и что он готов полностью исключить из своего рациона все, что хоть как-то связано с помидорами, но увидев, с каким маниакальным пристрастием дедушка Галим привязывает помидорные кусты к столбикам, которые должны были удерживать растения в вертикальном положении, взял в руки ведро и с обреченным видом направился к ручейку, который неизвестно где брал свое начало, и, к несчастью Давида, протекал через дедушкин огород.

Давид и не заметил, как пролетел день. Обрушив с ненавистью на последний куст содержимое ведерка с высоты своего роста, Давид с чувством исполненного долга направился в сторону дома, где его должен был ожидать бабушкин ужин.

– Давид, ты куда?

Мальчика словно окатили холодной водой.

В нескольких метрах от помидорной грядки, удобно расположившись под тенью высокой яблони на чем-то, отдаленно напоминающем табуретку, с видом греческого рабовладельца сидел дедушка Галим.

Все время, пока я здесь вкалывал, как ишак, он сидел, прохлаждался и смотрел на то, как я потею, – подумал Давид и с тоской крепостного крестьянина посмотрел на деда.

– Я все закончил, – тревожно вскрикнул Давид.

– А ведро под навес кто вернет? Может быть, твой друг Мына? – спросил дедушка Галим.

– Какая разница, где будет лежать ведро, все равно завтра обратно ты его принесешь на грядку, чтобы поливать свои помидоры, – раздраженно ответил Давид.

– Сейчас же возьми инвентарь и положи его на то место, где он должен лежать! – угрожающе, привстав со стульчика, произнес дедушка Галим.

Давид вернулся, взял ведро, которое пять минут назад с радостью швырнул под дерево, и, волоча его по земле, направился в сторону навеса, чтобы исполнить очередную прихоть деда.

– Давид, – произнес дедушка Галим, подвинув с нежностью в сторону внука миску с бульоном из проса. – Все предметы, которые тебя окружают, должны иметь свое место. Вот если бы ты, к примеру, бросил в траву под дерево

косу, то завтра твоя бабушка, ты или я могли бы ее не заметить и пораниться об ее острые лезвия. Вокруг тебя, Давид, должен быть порядок. Жизнь человека должна быть подчинена порядку. Это закон. И ты, как человек и мужчина, должен его соблюдать, – пояснил дедушка Галим, глядя на внука еще питающими надежду глазами.

Давид опустошал одну тарелку за другой. Никогда прежде Давид не был так голоден. Напротив Давида за круглым столом на трех ножках сидели бабушка Мусульмат и дедушка Галим, с наслаждением наблюдая за тем, с каким аппетитом ест их любимый и единственный внук.

При обычных обстоятельствах Давиду сказали бы: «Не спеши, Давид, пережевывай пищу тщательно». Но сегодня дедушка Галим этого делать не стал.

– Ничего, – сказал он, – пускай ест как и сколько хочет, сегодня с него хватит. Назавтра его ждет другая битва. За собственный разум.

Побег Давида

На следующий день дедушка Галим решил дать поспать внуку на тридцать минут дольше, чем обычно. Ровно в девять тридцать в комнате, где должен был сладко посапывать Давид, раздался дедушкин окрик.

– Давид! А, Давид! Сейчас же вставай, лодырь! Уже одиннадцать часов!

Но Давид не слышал дедушку. Этим утром Давид встал раньше, чем неугомонный эксплуататор.

Оставляя за собой клубы пыли, он бежал со спринтерской скоростью в сторону соседского двора, откуда с утра доносилось хоровое жужжание братьев Кабардоковых, которые на деревянных самосвалах собственного производства развозили по двору песок, что привез их отец – Тут Кабардоков – для того, чтобы отштукатурить пристройку к родовому гнезду. Строительство длилось вот уже седьмой год.

Отец семьи – Тут Кабардоков и его жена – Сатаней Кабардокова, подарили Советскому Союзу пятерых жизнерадостных мальчуганов, родившихся один за другим с интервалом в 11–12 месяцев. За это страна одарила семейство Кабардоковых медалью за многодетность и мизерной прибавкой к мизерной зарплате.

Последняя, как вы понимаете, никак не отразилась на качестве жизни кабардоковского семейства, разве что укрепила иммунитет мальчишек стойко переносить голод и холод.

Игра в машинки нравилась братьям Кабардоковым больше чем все остальные игры. И это не случайно, их отец был водителем самосвала «Зил».

На этой чудо-машине советского автопрома, издающей звуки, напоминающие реакцию организма на накопление газов, дядя Тут проработал двенадцать лет, большую часть из которых он мечтал пересест на самосвал «Камаз», возделенную мечту каждого водителя Чегемской автобазы. «Камаз» потреблял в два раза меньше топлива и перевозил в полтора раза больше груза, чем все остальные самосвалы. Потому он и пользовался большим спросом у местного населения, которое постоянно что-либо строило или же перевозило.

Новые «Камазы» поступали из Центра в Кабардино-Балкарскую АССР каждые пять лет в количестве десяти штук, по одной на район. Частного грузового транспорта в стране Советов не было. Эти обстоятельства один раз в пять лет превращали Чегемскую автобазу в некое подобие фондовой биржи, а водителей самосвалов в ее игроков.

За право владеть автомобилем-мечтой десятки шоферов Чегемской автобазы готовы были отдать многое. Например, 1000 рублей за «правильный выбор» конкурсной комиссии, которая должна была подобрать «Камазу» такого же правильного водителя. Плюс 50% с ежедневной выручки от шашлычка, которую бедолага должен был отдавать на руки ди-

ректору автобазы в течение всего времени, пока он будет допущен к работе на этом ликвидном транспортном средстве.

Иметь хорошие отношения с директором автобазы и связи в райисполкоме было не последним делом.

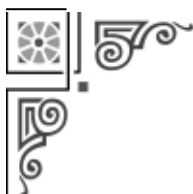
У дяди Туты не было ни первого, ни второго, и тем более третьего.

Переживания по поводу всего этого за несколько лет прирастили беднягу к спиртному. Последнее обстоятельство сделало его неконкурентоспособным и уже давно, незаметно для самого Туты, поставило под вопрос его дальнейшее право на вождение даже старого самосвала, который он давно мечтал сжечь.

Вчерашний немецкий генерал Хасанбий был старшим сыном семьи Кабардоковых. Жужжал Хасанбий громче всех, стараясь с точностью изобразить работу дизельного двигателя.

Да, у Хасанбия был «Камаз», и никто из братьев, кроме него, не имел права управлять таким ответственным транспортным средством.

Когда Давид появился во дворе Кабардоковых, Хасанбий, покраснев, как помидор, от долгого и сильного жужжания, несвойственного его организму, вез в отдаленный угол двора внушительную грудку песка, насыпанную минуту назад экскаватором Цыфой (так звали самого младшего сына Кабардоковых).

Цыфе пришлось стать экскаватором, так как главному механику семейства – Хасанбию – пока еще не удалось сконструировать сложный механизм землеройной машины. Впрочем, у маленького Цыфы это получалось ничуть не хуже, чем скажем, у экскаватора «Драглайн». Своими крошечными и почерневшими от изнурительной работы экскаватором ручонками Цыфа аккуратно, слой за слоем, отваливал, затем вынимал песок, и уже с высоты своего цыплячьего роста высыпал его в кузов подоспевшего за очередным грузом самосвала.

– Эй, парень, если ты не передохнешь, от напряжения у тебя вывалится пуповина, вон посмотри, как она у тебя набухла от раздражения трактору, – с легкой насмешкой сказал четырехлетнему Цыфе Давид.

– Не трогай его, Давид! – сказал раздраженно подъехавший за очередным грузом песка Хасанбий.

– Он опять разревется, и будет реветь до вечера.

Довести Цыфу до слез было проще простого, но вернуть его в обратное состояние было практически невозможно. Мальчуган мог плакать часами, и переставал только тогда, когда забывал, почему и отчего он плачет.

Ревел Цыфа очень часто, оттого его пуповина действительно была постоянно набухшей, и казалось, что вот-вот природный узелок на животе плаксы развяжется, и конец лучшему парню из рода Кабардовых.

– Цыфа, ты сегодня еще не ревел? – наклонившись над чувствительным ребенком, тихонько, почти шепотом, спросил Давид.

Этого было достаточно. Нижняя губа Цыфы, покрасневшая от жужжания, наползла на верхнюю, маленькие ноздри расширились, и из больших черных глаз хлынули слезы. Через минуту Цыфа в конвульсиях валялся на песке, издавая крик, который слышали даже в соседнем квартале.

– Сколько раз я вам говорила не трогать маленького, – донесся из саманного домика голос женщины, породившей это маленькое и плаксивое чудовище.

Почему чудовище? – спросите Вы. Потому, что Цыфа еще и мастерски спекулировал своим талантом. При помощи рева этот маленький проказник подчинял своей воле все семейство Кабардоковых. Из-за этого Давид недолюбливал Цыфу и при каждом удобном случае доводил маленького шантажиста до слез.

Внезапная истерика Цыфы прервала рабочий процесс, лишив автобазу Кабардоковых экскаватора.

Оставив безнадёжного Цыфу на песке, Хасанбий, Хасан, Олег и Давид направились в сторону речки Чегем.

Было уже пять часов вечера. Давид безмятежно лежал на песке, получая все удовольствия от сельского пляжа, когда чьи-то сухие и шершавые от мозолей руки потянули отдыхающего за ухо.

– Мына, отстань! – возмущено произнес Давид, даже не предполагая, что за ухо его потянул дедушка, который искал беглеца вот уже восьмой час.

– Я тебе сейчас покажу Мына, ты у меня забудешь, кто такой Мына, маленький тунейдец! – приговаривал дедушка Галим, поднимая с песка за уши родного внука.

Путь к отчему дому Давиду показался длиною в вечность. Давид шел впереди, подгоняемый подзатыльниками, наносимыми нелюбимым дедом каждые две-три минуты. Уши и левая щека Давида горели ярко-красным цветом, выдавая сидящим на скамейках соседям факт рукоприкладства.

Из соседнего двора доносился отчаянный рев Мыны, которого, как понял Давид, подвергает экзекуции бабушка Кулижан за то, что тот также, не спросив разрешения у старших, отправился на речку.

Во дворе, на крыльце летней времянки, тем временем уже заседал родовой совет. В него входили: бабушка Мусульмат, мама Давида, тетя Хажгуаша, тетя Тата, тетя Мария и соседка Леля, которая пришла за солью, но, узнав о предстоящем собрании, решила остаться и насладиться очередным спектаклем.

– Давид, тебя искала вся семья. Ты, почему исчез, не сказав ни слова, тем более пошел без спросу на речку? Ты понимаешь, что ты мог утонуть? – обратилась первой к Давиду мама,

которая имела на это право по факту рождения малолетнего правонарушителя.

– Мама, я не хотел, я просто заигрался, – жалобно завопил Давид, просящим взглядом окинув маму в надежде на то, что та за него заступится.

– Нет, Давид, – сказала холодно мама, – не смотри на меня с жалобным видом, ты доставил столько переживаний своим близким, дедушке и бабушке, что нет тебе прощения, – и тут же передала эстафету нравоучения сидящему напротив на своей излюбленной табуретке дедушке Галиму.

– У тебя совести нет, Давид, – сказал дедушка Галим, глядя в упор на непослушного внука.

– Спишь по утрам, как невеста, работать не хочешь, за все время каникул книжку в руки не взял, растешь обормотом и бездельником. Что тебя ждет, если ты пойдешь и дальше по этому пути? – разводя руками и покачивая головой, задался вопросом дедушка, стараясь придать больше трагизма самой ситуации.

Все, что после говорили Давиду бабушка Мусульмат, тетя Тата, тетя Мария и соседка Леля, которой при других обстоятельствах Давид сказал бы пару ласковых, он уже не слышал. За день он набегался и устал, ему нестерпимо хотелось спать.

После долгих дебатов, сопровождавшихся словами: «А ну-ка, посмотри на меня, бездельник, ты все понял?» (как вы уже до-

гадались, эти пронзительные слова произносил дедушка Галим), высший суд под его же председательством приговорил Давида к трем часам заключения в темном гараже, где стояло еще одно чудо советского автопарома – автомобиль «Москвич».

«Москвич» – это вечная машина, кто его однажды купил обречен навсегда оставаться его владельцем. Перепродать, поменять или совершить любые другие операции с этим транспортным средством практически было невозможно. Ибо за считанные месяцы новый автомобиль превращался в грудку ржавого и тарахтящего железа, но надо признать, способного еще ездить на небольшие расстояния.

Давид ужасно боялся темноты, и когда рукой бабушки Мусульмат приговор был приведен в исполнение, он расплакался. Проплакав недолгое время, Давид вспомнил, что салон автомобиля «Москвич» снабжен спасительным освещением.

– Ваахъ, – сказал Давид, с необыкновенным проворством залезая в салон машины, включил свет и мгновенно успокоился. Когда за ним пришла мама, Давид спал крепким сном на заднем сидении автомобиля после бурно прожитого дня.

Все последующие дни мало чем отличались от предыдущих. Несмотря на то, что помидорные кусты давно отдали семье Алоевых все, чем одарила их матушка – природа, дедушка Галим продолжал поднимать лениво-

го внука ровно в 9 часов утра. У опытного эксплуататора всегда находилось занятие для маленького Давида. Внук, в свою очередь, лиялся из дома при каждом удобном случае, хотя без спросу на речку он уже не ходил, слишком дорого обходился мальчику каменистый горный пляж. Так прошли первые каникулы маленького Давида, которые давно надоели любопытному озорнику, так как они принадлежали не ему, а его дедушке.

Школьный роман

Давид выбежал со двора и влился в разноцветный первосентябрьский школьный поток, берущий начало с конца села и, словно единый живой организм, плывущий по улочке, носившей функциональное и вполне созвучное массовому движению название – Школьная.

Первое сентября в школе номер один проходило по обычному сценарию – праздничная линейка на крыльце школы, толпа счастливых и загорелых детей, в стороне гордые родители, которые еще вчера закончили эту же самую школу.

Девочки с несоразмерно большими белыми бантами. Затянутые в строгие мужские костюмы ряды опечаленных концом разгульного лета сельских мальчишек.

Со школьного крыльца с началом занятий учеников поздравляют уже давно не молодые учителя. Дальше по классическому сценарию дедушка Давида – завуч школы – произносит напутственные слова, которые наизусть знают все жители небольшого села Чегем.

Давид играл во дворе школы с ребятами, когда внимание будущего кавалера привлекла статная дама лет шести с большими зелеными глазами, коротким носиком и длинной, как конский хвост, игривой косой. Даму сердца звали Нина, она училась в первом «В» классе. Об этом Давид узнал от агента Санчо, который сочувственно предложил страдающему от без-

ответной любви Давиду узнать имя объекта обожания и сообщить последней о том, что за нее готов отдать жизнь классный пацан со второго «А» класса.

Опытный в этих делах Санчо предложил Давиду не ждать с моря погоды, тем более что свято место пусто не бывает, а просто, не ломая голову, изложить признание в любви в письме, которое покорный слуга любезнейшим образом передаст возлюбленной на перемене.

В течение урока математики текст любовного послания зачеркивался, рвался на кусочки, затем снова появлялся на клетчатом листке школьной тетрадки нескончаемое множество раз. И, наконец, когда зазвонил звонок, Давид легким движением кисти руки подписал документ особой важности и, вложив его в конверт, передал верному другу Санчо.

«Дорогая Нина!

Ты мне очень нравишься, давай дружить.

Ученик второго «А» класса,

Давид Дария».

Маленькая Нина не оценила чувств Давида. На второй же день во время перемены объект вожделения распотрошил перед носом Давида любовное признание. Да еще и пригрозил обнародовать содержание амурного документа во время урока перед всем классом.

— Если ты еще раз напишешь мне что-либо подобное, я все расскажу нашей учительнице,

– сказала девочка и, продемонстрировав несчастному Давиду свое презрительное «Фу», в сопровождении своих подруг вприпрыжку побежала прочь.

Убитый горем Давид, поникнув головой, шел по улице Школьная домой.

– Все! – сказал Давид, обращаясь к Санчо. – Я пропал. Я обречен на безответную любовь! Я видел, как от этого умирают в фильмах люди! За что мне такое наказание?! – завопил он.

– Давид, эти глупые девчонки ничего не понимают, – сказал опытный в амурных делах одноклассник.

– Не паникуй, еще не все потеряно. Нужно оказать даме какой-либо знак внимания. Например, сделать подарок, – осенило вдруг Санчо.

– Подарок? Какой подарок? – удивленно спросил Давид.

– Ну, надо подумать, – напрягся сострадающий Санчо, почесав аккуратно подстриженный к сентябрю затылок.

– Цветы? – восторженно воскликнул Давид и в ожидании одобрения посмотрел на Санчо.

– Нет, цветы это банально, – сказал Санчо, покоривший не одно девчачье сердце еще в детском садике. – Нужно что-то неординарное.

На следующий день, когда все ученики 2 «А» класса писали диктант, Давид, сидя на спине преданного Санчо, осколком стекла на тор-

цовой стене школы вырисовывал несложное арифметическое уравнение: Давид + Нина = Любо...

Да, Давид не успел дописать ключевое слово. Санчо, на ком вполне комфортно восседал Давид, вдруг с бешеной скоростью ринулся в сторону голубых елей, плотно закрывающих школьный двор от посторонних глаз.

Добежав за доли секунды до места, откуда их не смогла бы увидеть уборщица Люся, сложная конструкция из Давида и его друга рухнула на свежескошенную траву.

– Ты чего, Санчо! – возмущенно спросил Давид, растирая свой локоть, на который ему пришлось приземлиться с высоты падения в один санчевский метр.

– Ты ее не видел? – выпалил Санчо.

– Кого? Кого я должен был увидеть? – непонимающе ответил Давид.

– Доносчицу Люсю. Она шла в нашу сторону, и, по-моему, она нас засекла, – обреченно произнес Санчо.

Школьная уборщица Люся была глазами и ушами дедушки Галима. Она была его дальней родственницей и считала своим долгом верой и правдой служить непререкаемому авторитету деда.

И сегодня, заглянув в класс, где должен был писать диктант ее дальний внучек, тетя Люся обнаружила, что тот исчез. Почувев неладное тонким родственным нюхом, тетя Люся не

хуже немецкой овчарки пустилась на поиски беглеца.

Давид выглянул из-под елки и увидел, о, ужас! – тетю Люсю, которая, вытянув свою короткую, толстенькую шею пыталась прочесть то, что минуту назад нанес на школьную стену малолетний влюбленный родственник.

Прочитав написанное, и явно получив от этого неопишемое удовольствие, со словами: «Вот чем вы в школе занимаетесь!» – тетя Люся понеслась к своему шефу со скандальной вестью.

– Сколько лет я работаю в этой школе, такого позора я не видел, – сокрушенно ходил вокруг Давида дедушка Галим. В кабинете завуча кроме Давида и Галима Хажевича находились Санчо, учительница Давида Мария Ибрагимовна и тетя Люся, которой еще предстояло заплатить за содеянное дорогой ценой.

– Все! Я ставлю вопрос об исключении Давида Дария из нашей школы, – сказал Галим Хажевич и не без намека посмотрел на учительницу Давида.

– Да, я думаю, что Давид заслуживает самого сурового наказания, Галим Хажевич, – сказала учительница. – Но может мы ему дадим последний шанс?

– Давид, ты понимаешь, что ты сделал? Ты испортил школьную стену, которую наши учителя красили во время своего отпуска. В том, что ты любишь девочку по имени Нина, нет ничего

плохого, но зачем портить стены? – сочувственно произнесла она.

– Так, пошел вон с глаз моих, – сказал сокрушенно дедушка и крепким подзатыльником проводил позорного внука за дверь своего кабинета.

Как ни странно, вечером дедушка Галим не стал наказывать Давида. Хотя Давид готовился к самому страшному: он даже собрал вещи, чтобы уйти из дома, если семейный совет вынесет слишком суровое наказание, ожидаемого не случилось.

За ужином стояла мертвая тишина. Давид ковырялся в тарелке, всем своим видом показывая напротив сидевшему дедушке, что он искренне раскаивается и готов понести любое наказание. Дедушка в свою очередь молча ел, демонстрируя виновнику семейного горя, что на этот раз тот совершил непоправимое, и что нет ему прощения.

На следующий день все в школе знали, что Давид Дария безнадежно влюблен.

Давид сидел на подоконнике школьного коридора и что-то обсуждал со своим другом Санчо, как вдруг, игриво улыбаясь, в сопровождении своих подружек мимо него пронеслась та самая роковая дама, из-за которой маленький Давид пережил столько страданий и унижений.

К слову сказать, дама сердца училась на первом этаже школы, Давид учился на втором, и этой вертихвостке здесь делать было нечего.

Значит, пояснил Санчо, стрела Амура коснулась сердца этой взбаломошной девчонки.

На следующий день возлюбленная передала Давиду свою фотографию, чтобы тот всегда и везде думал о ней.

Через неделю Давид уже провожал домой красавицу Нину, волоча за собой ее ранец, тяжесть которого определенно подсказывала Давиду, что Нина носит с собой все учебники, которые ей только выдавали в школе.

— Давид, а кого ты больше всех любишь? — проговорила вдруг Нина и смущенно посмотрела на Давида.

— Маму, — не раздумывая сказал Давид.

— А кроме мамы кого ты больше всех любишь? — повторила в другой форме тот же вопрос Нина.

— Бабушку, — ответил Давид.

— Давид, а кроме мамы, бабушки, дедушки и папы, кого ты больше всех любишь? — повторила чуть тверже предыдущих свой судьбоносный вопрос Нина.

— Тебя, Нина, — выпалил Давид и сбросил с плеч тяжеленный ранец.

Нина обрадовалась, взяла свой каменный портфель и, сверкнув большими зелеными глазенками, счастливая побежала домой, до крыльца которого оставалось всего несколько метров.

Давид давно забыл про тетю Люсю и не собирался делать ничего плохого, но в этот день

его внимание привлекла открытая дверца кладовки на втором этаже школы, где уборщица и, по совместительству, агент дедушкиной разведки тетя Люся хранила свои вещи и несложный инвентарь из швабры, старой тряпки и ведра.

Давид опаздывал на первый урок, урок русского языка, но выбор пал на рабочий кабинет Люси.

Давид сидел за школьной партой и прилежно переписывал упражнение с доски, когда из коридора донесся пронзающий тишину крик тети Люси.

– Сволочи, это не дети! Это чистые звери. Ничего, я узнаю, кто это сделал.

Ну, ты только погоди, Давид!

Последняя фраза не была произнесена тетей Люсей, но Давид кожей почувствовал, что она подумала о нем.

Давид отвлекся от упражнения, повернулся назад и многозначительно улыбнулся сидевшему позади него Санчо.

– Это ты засунул в телогрейку Люсидохлую ворону, мерзавец, – разоблачающе посмотрев на внука, смиренно уплетающего за ужином картошку, произнес дедушка Галим, вернувшись с вечерних уроков.

– Какую телогрейку, дедушка?! – невинно и с интересом спросил Давид.

– Не морочь мне голову. Признайся, ведь это ты?

– Дедушка, Вы несправедливы ко мне. Почему чуть что, так сразу я? – обиженно заявил Давид и, встав со стола, направился прочь из кухни.

– Иди, иди, тунеядец, лучше бы книжку лишний раз открыл, чем любовные дела крутить, позоря мою седую голову, – презрительно кинул вслед уходявшему внуку дедушка Галим.

– Мусульмат, на что мне такое наказание, а? – жалобно спросил дедушка свою супругу.

– Ни мой сын, ни мои дочери, ни мои племянники – никто меня не позорил так, как позорит он! Этот обормот! – громко сказал дедушка, так чтобы его услышал Давид.

– Галим, не будь так суров с ним. Он же мальчишка, все образуется, – сказала утешительно бабушка Мусульмат, нежно поглаживая за плечо покрасневшего от ярости дедушку.

Давид сидел в своей комнате и срисовывал с фотографии портрет возлюбленной, когда в ней появился дедушка Галим.

– Завтра, после уроков, бегом домой. Нужно собрать яблоки, – сухо, предупреждающим тоном произнес дедушка Галим и удалился.

Давида оставило вдохновение, с которым минуто назад он воссоздавал портрет возлюбленной на картонке из-под коробки конфет. Положив незаконченный портрет в шкафчик под столом, Давид направился спать.

В поисках нетрадиционного ответа на ошеломляющий вопрос деда: как же ему теперь жить дальше, чтобы не претворять маленькие

ошибки в еще большие, Давид ворочался минут пять.

Решив, что у него в запасе много времени, чтобы, осознав собственную судьбу, стать выше нее и ни одного мгновения, чтобы бороться дальше со сном, любимый внук нелюбимого деда с предвкушением очередного цветного и приключенческого сна повернулся на правый бочок, к которому был так строго приучен матерью и вскоре сладко засопел. Во сне он почувствовал чье-то прикосновение.

Ему казалось, что дедушкин дух витает где-то рядом возле уха и нашептывает вполголоса: в жизни не должно быть ничего лишнего, кроме порядка, только порядок и труд.

Но сон, который только начинал раскручиваться во всех красках, показался ему гораздо увлекательнее дедушкиных проповедей, и Давид крепче, сжав ресницы, чтобы не упустить захватывающий эпизод, погрузился в зовущую теплоту ночи.

Проснувшись поутру, Давид обнаружил себя на веранде в дедушкином гамаке вместо душевой спальни. С широкой кроны грецкого ореха свисали тугими гроздьями зеленоватые плоды позднего винограда, вплетаясь гибкими побегами в ветвистый ствол дерева. Под сенью старой яблони, вросшей в угол веранды и ставшей приютом для голубей, которым не хватило места под крышей дома, усиленно ворковали счастливые новоселы-птенцы. Клетчатый плед говорил Давиду о том, что и эту беспокойную ночь он провел под охраной

бдительного ока дедушки Галима и биением его истинно любящего сердца. Глянув с веранды вниз, он увидел политые с утра стройные ряды осенних саженцев и свежевскопанную грядку под чеснок. От предчувствия новых испытаний Давид поежился, но влекущий запах лакумов и калмыцкого чая повел его вниз, по винтовой лестнице, к неминуемой встрече с дедушкой Галимом и бабушкой Мусульмат.

Только спустя годы Давид понял, что в детстве все мы слишком увлечены собой и своим мироощущением, чтобы понимать и видеть переживания старших, их беспокойство и тревогу. Странно, но именно тогда Давид впервые догадался, что самое сокровенное и духовное дед связывает с ним. Сон на веранде в дедушкином гамаке был фактом примирения. Маленький проказник интуитивно уловил: он прощен. Со стороны кухни раздавались утренние шлепки деда по спине и неторопливые шаги бабушки, накрывавшей на стол. Давид при виде празднично накрытого стола с облегчением подумал, безмерные требования к жизни, которые предъявляет дед к единственному внуку, наконец-то закончились, и жизнь снова полна чудес. Но не тут-то было...

Сад дедушки Галима

Неожиданно зазвонивший школьный звонок напомнил Давиду о встрече с возлюбленной, которую он назначил накануне.

Давид вскочил из-за парты и, на ходу запихивая в ранец школьные принадлежности, побежал на встречу с любимой Ниной, преодолевая большими прыжками расстояние между первым и вторым этажами.

Давид спешил к школьному буфету, где его уже ждала дама сердца. Едва он разглядел в детской массовке образ любимой, как знакомый силуэт закрыл собой ее лицо.

Кабинет завуча школы дедушки Галима находился прямо напротив школьного буфета, и Давид это знал, но, потеряв голову от высокого героизма любви, пренебрег подстерегающей его опасностью.

– Давид, дорогой, ты идешь ко мне? Молодец, внучек, – радостно произнес дедушка Галим, хвалебно похлопывая внука по затылку.

– Все наши соседи уже давно приступили к сбору яблок. Мугароф со своими внуками собрал почти весь урожай. Даже лентяй Сарим демонстративно выставил в саду ящики. А мы до сих пор яблоко не сорвали. Подожди минутку. Я быстро схожу в учительскую, и мы вместе пойдем домой, – сказал дедушка Галим и взял курс на второй этаж.

Когда дедушка Галим вернулся, внука и след простыл. Взявшись за руки, Давид и Нина

стремительно отдалялись в сторону школьного сада, который спасал Давида от всепроникающего ока дедушки не первый раз.

Беглецы самозабвенно гуляли по небольшому школьному саду, наполненному ароматом спелых плодов. Гуляли медленно, не торопясь, иногда останавливаясь, чтобы вдоволь посмеяться над очередной смешной историей, которую Давид специально сочинял для Нины.

Насладившись общением и вспомнив, что дедушка Галим настоятельно просил Давида прийти домой сразу же после школы, кавалер не без сожаления предложил подружке отправиться домой.

Проводив Нину и дождавшись, когда за девочкой хлопнет деревянная калитка, Давид пустился домой, опережая свой страх и риск, на скорости достойной забега марафонца. Теперь он спешил так, как будто от потери одной минуты должно было погибнуть все сокровище дедушкиного сада. Ноги, подумал Давид, лучший посредник, когда нужно отличить ложь от истины, и он вернется домой раньше, чем его строгий блюститель нравов.

Когда Давид запыхавшись, одним махом преодолел последнее препятствие – неказистый заборчик имения, дедушка Галим уже восседал в саду на своем стульчике и раскладывал яблоки в ящики, сколоченные из деревянных дощечек. Яблоки дед раскладывал очень бережно, словно это были не фрукты, а елочные игрушки из тонкого богемского стекла.

Дедушкин сад занимал двадцать соток земли. Это был яблочный рай. Галим выращивал яблоки с присущим ему маниакальным трудолюбием. В своем любимом деле он старался достичь совершенства и подходил к этому занятию с творчеством и умом.

В дедушкином саду росли «Делишес», «Ай-даред», «Семиринка», «Белый налив», «Серебрянка», «Джанотан», «Баравинка» и много других сортов, плоды которых наполняли осенний сад волшебным ароматом.

Но дедушка Галим был не одинок в своем увлечении, хотя и был признанным специалистом в своем деле. Практически все жители небольшого селения Чегем являлись владельцами небольших садоводческих ферм, и с наступлением осени дворы и улицы поселка пустели, и вся сельская жизнь перемещалась «в святая святых» – сады. Сады, как люди, торопятся заключить в объятия, говорил дедушка ближе к осени.

Да, для дедушки Галима это был не просто сад. Его отношение к излюбленному прибежищу души, можно было сравнить лишь с одержимостью одинокой матери к единственному и долгожданному ребенку. Свое чадо дедушка Галим вскармливал всю свою жизнь, отдавая деревьям и любовь и нежность, порой даже уступающую его фанатизму к школе.

Сад в свою очередь отвечал дедушке Галиму взаимностью, ежегодно одаривая трудолюбивого садовода сотнями тысяч яблок, сравни-

мых по красоте с тем, что понудило согрешить Адама и Еву.

Давид влетел в дом, который сразу же опустел после дедушкиного возвращения из школы. Значит все уже в саду, подумал Давид и побежал в свою комнату, чтобы быстро переодеться и незаметно для дедушки влиться в трудовой коллектив, состоявший из бабушки Мусульмат, тети Таты, мамы и соседки Лели, которая на этот раз пришла за пшеном, но взамен получила от дедушки Галима ведро для сбора яблок.

Давид проник из дома в сад через запасной выход и молниеносно забрался на первую попавшуюся на его пути яблоню. Посмотрев вниз и убедившись, что с земли его не достать, и тут же, набравшись смелости, Давид начал звать бабушку.

— Ах ты, негодник, — донесся из-под густой листвы яблонь голос, который в данный момент Давиду хотелось слышать меньше всего.

Возможно, если бы дело касалось не яблок, а чего-нибудь другого, дедушка Галим не сокрушался бы так отчаянно, сопровождая свою ругань неприличными словами, которых прежде Давиду не доводилось слышать от интеллигентного старца.

— Ах, ты негодяй, мерзавец, паразит. У тебя капли совести нет. Ты никогда не станешь достойным человеком, — сокрушался дедушка Галим, бегая вокруг яблони, как иступленный.

Оттого что Давид, забравшись на дерево, лишил дедушку Галима возможности в полной мере, методом ставшей привычной экзекуции, наказать непокорного внука, старик расстроился настолько, что чуть было не заплакал.

– Спустись на землю, если ты мужчина, подлый трус, – кричал дедушка Галим, пытаясь вынудить внука самому отдаться в руки неотвратимого правосудия.

– Меня слушались все мои дети, и никто не смел меня так коварно обманывать, – неистово взывал к совести Давида дедушка Галим.

Процесс поношения внука длился чуть больше трех минут и к моменту завершения стал больше похож на мольбы к Всевышнему, который наказал горемыку, подарив ему на старости лет такое наглое и бессовестное существо.

– Откуда ты взялся на мою голову, обормот, обалдуй, балбес. Любитель околачивать груши. Ничего, я тебе наломаю хвост, – сказал дедушка, переводя дыхание и успокаивая себя. – Я не Галим, сын Хажи, если не найду на тебя управу.

Избавившись от переполнявшего его возмущения безудержным словоизвержением, дедушка Галим скрылся под густыми сводами яблонь.

– Срывай яблоки осторожно, так чтобы стебелек, на котором держится яблоко, оставался в нем, чтобы оно быстро не сгнило. Если оно сгниет, то его никто у нас не купит, – услышал вдруг Давид голос любимой бабушки.

Будучи тонким проводником политики своего супруга, бабушка Мусульмат всегда интуитивно чувствовала моменты, когда ей следовало подать свой примиряющий голос.

– Ты не должен был так расстраивать дедушку. Нельзя быть таким непослушным. Он же просил тебя вернуться домой сразу после уроков. Пожалей дедушку, Давид, давай, покажи ему, как ты его любишь, – сказала бабушка и протянула внуку пустое ведро.

Обрадовавшись тому, что еще не все потеряно и маленькому Давиду дан шанс искупить вину, потенциальный бездельник, любитель околачивать груши, с невиданным ранее рвением приступил к работе.

С ловкостью обезьяны, перескакивая с ветки на ветку, Давид наполнял ведро за ведром, освобождая яблоню от непосланного природой грузного дара спелых плодов. Он работал от души, стараясь достать плоды из самых труднодоступных мест. Увлеченный азартной работой Давид и не заметил, как наступил вечер, и дедушкин сад окутала ночь.

– Давай, слезай, бездельник, – донесся снизу дедушкин голос.

– Когда ты хочешь, ты можешь хорошо работать. Спускайся, я хочу поговорить с тобой, – сказал он и направился в середину сада, где стояли наполненные за день и истомленные горячим солнцем ряды ящиков с краснощеками яблоками.

Дедушка Галим сидел на своем стульчике и перекладывал последние, только что сорванные Давидом яблоки в деревянный ящик, застланный мягким картоном. Кроме дедушки и Давида в саду уже никого не было. Можно было подумать, что все вокруг исчезли ненароком, чтобы дать дедушке Галиму и его внуку наконец-то объясниться. Давид спустился с дерева и с виноватым видом подошел к дедушке. Страх перед дедушкой исчез, уступив место стыду.

– Прости дедушка, – сказал Давид, опустив голову. – Я не хотел тебя расстраивать. Я просто заигрался.

– Знаю я, где ты заигрался, – ответил дедушка, стараясь скрыть от внука появившуюся на его лице улыбку.

– Я не буду повторять все, что я тебе сегодня сказал, Давид, – произнес твердо дедушка. – Я надеюсь, что ты осознал свою вину и больше этого не повторишь. Будь здоров и благограумен в будущем, Давид.

– Да? – вопрошающе произнес дедушка Галим и посмотрел на внука, продолжающего стоять в позе раскаивающегося грешника.

– В этом году, слава Аллаху, урожай будет богатый, – сказал он, переводя разговор на другую тему. – Думаю, ящиков четириста мы соберем. От последней цифры Давиду стало не по себе, но он благограуменно промолчал.

– После этого мы разместим ящики в саманном домике, во дворе. Там они простоят до

того времени пока не найдут себе достойного покупателя, – продолжал дедушка Галим, с хитринкой посматривая на внука, переминавшего с ноги на ногу в ожидании, когда же его отпустят к бабушке под спасительное крыло.

Дедушка Галим не торопился продавать свой «драгоценный товар» кому попало в руки. Величина предложенных за яблоки денег тоже не имела решающего значения в выборе «достойнейшего из достойнейших». Он тщательно выбирал покупателя, общаясь с каждым из них на далеко не садоводческие темы. Отбор будущего владельца яблок длился с конца сентября до середины декабря. «Ничего, земля под ногами не горит, язык на замок и ждем. Не фунт изюма продаем, а яблоки!», – говорил он с особым благоговением. Когда перед Новым Годом стоимость экзотического для российских северных городов фрукта достигала своего пика, дедушка Галим, разложив перед собой телефонную книжку с номерами, оставленными многочисленными перекупщиками, одним махом выбирал наиболее понравившегося торговца, звонил ему, и сообщал о «счастливом выигрыше» как о редчайшем везении.

– Дедушка, а зачем этим людям столько яблок? – спросил Давид.

– Это перекупщики, Давид, спекулянты, так их называют у нас. Они покупают у меня яблоки по низкой цене, а потом продают другим, по более высокой цене. Разница – это их заработок.

– А почему ты сам их не продаешь по высокой цене? – заинтересовавшись наиболее важ-

ным моментом купли-продажи, переспросил Давид.

— Я не торговец, мальчик мой, у меня — своя профессия, я — учитель. Я всю жизнь набивал мозоли, но избегал набивать карманы. А эти люди — вольные птицы. У них нет другой работы. Они везут яблоки в Сибирь на огромных грузовиках, преодолевая тысячи километров промерзших северных дорог, в застуженные вечной зимой города. Месяцами стоят на открытых рынках и перепродают эти фрукты местным жителям, для которых яблоки, Давид, это что-то вроде золотых апельсинов и бананов. А яблоки я выращиваю не для себя. Мне все это не надо. Это нужно вам: тебе, твоей маме, твоей тете. Все ради того, чтобы вы жили как люди. Человек должен жить достойно, Давид, а чтобы жить достойно — необходимо много трудиться, — заглянул дедушка Галим в самое яблочко, особо нажимая на последнее слово.

— Тот, кто любит и умеет работать, при любой власти и во все времена будет жить достойно, так, как он хочет. Это Закон, Давид, и ты должен знать это. Так жили мой дед, потом мой отец, так живу я, и, я надеюсь, будешь жить и ты, мой дорогой.

Давид сидел в своей комнате и срисовывал с фотографии в седьмой раз портрет возлюбленной, когда в ней появился дедушка Галим. Портрет Нины получался плохо, он никак не хотел соответствовать ее идеальному образу, и от этого Давид переживал глубокий внутрен-

ний трагизм. Необыкновенная способность маленькой девочки порождать великую иллюзию творчества заставляла проказника вновь и вновь переделывать рисунок, чтобы в 115 раз добиться совершенного сходства с предметом поклонения. Но...

То, что тщательно скрывалось и охранялось от посторонних глаз Давидом, давно уже было подмечено пристально высматривающим поверх спущенных на кончик носа очков дедушкиным взглядом, но в этом случае он почему-то оказался немногоречивым. Только вид его как бы говорил: легко скрывать ложь, а истину – не спрячешь, Давид.

– Завтра, после уроков, бегом домой. Пospели яблоки и нужно их собрать, – сухо, предупреждающим тоном произнес дедушка Галим и удалился.

Давида окончательно оставило вдохновение, с которым минуту назад он воссоздавал портрет возлюбленной. Образ Нины ускользнул. И все же утешительная мысль о том, что настоящая любовь всегда нелегальна, и в нее никто не смеет вмешиваться, сопровождала его до самой постели. И, наконец, достигнув сердца, усыпила его настолько, что он и не заметил, как угасающий свет одного чувства становится тенью другого света. На небе вылупилась круглая луна, дело шло к полуночи, а приблизиться к глубочайшей тайне жизни Давиду так и не удавалось.

Этой ночью дедушке Галиму не спалось. Близилась зима, время, когда все сельские жи-

тели после тяжелых осенних уборочных работ должны наслаждаться безмятежным покоем этого прекрасного времени года – отдыхать. Дедушка Галим в отличие от остальных жителей селения Чегем думал иначе. К покою он относился плохо, считая, что отдых и бездельность приводят к лени и всему дурному, что разумный человек должен находиться в постоянном, полезном для себя и окружающих людей движении. В своем родном внуке дедушка Галим видел именно лентяя. И более того, всерьез опасался, что пагубная склонность со временем одолеет Давида и окончательно погубит его. Дедушку Галима неусыпно терзали сомнения. Никогда прежде он не имел дела с таким живым и упрямым ребенком, как Давид. Опыт работы в школе и опыт воспитания собственных детей подсказывали ему, что с Давидом нужно работать совсем по-другому: не приказывая, а аргументируя каждое свое пожелание, направляя в нужное русло его необузданную энергию логикой свободного общения. Скрепя сердце, Галим согласился – все в этом мире неизбежно меняется. Если то, что он прежде считал своим мировоззрением и в чем видел смысл и радость своей жизни, летит в тартары, разваливается в клочья на его же глазах, то не хватил ли он через край, постоянно навязывая внуку стереотипные решения? Он с горечью понял, что с появлением Давида глобальные перемены вторглись и в его дом. Галиму становилось ясно, что коммунисты больше не делают погоду в стране, что они больше не влияют на развитие событий даже в его собственном селе.

И к тому же непонятно, кто будет играть первую скрипку вместо них? Эпоха Советов безвозвратно уходила в прошлое, унося с собой большую часть его жизни. Незвестное будущее тревожило и пугало старика, заставляя его находить новые решения, которые им же немедленно воплощались в жизнь. В глубине сердца среди сомнений пробивалась и крепла надежда, что ему следует жить и наживать добро с прежней несокрушимой крепостью духа, несмотря на новые времена, чтобы не дать несмышленому внуку сбиться с праведного пути.

Рогатое чудо

Ранним субботним утром Давида разбудила бабушка Мусульмат.

– Вставай, внучек, посмотри, какое нам чудо привели. Давай же, соня, вставай скорей, – интригуяще произнесла бабушка Мусульмат, стоя в дверях его комнаты.

Давид приоткрыл глаза и подозрительно посмотрел на бабушку, приблизившуюся уже к изголовью внука.

Счастливое выражение бабушкиного лица подсказывало Давиду, что ее мечта свершилась. Дедушка Галим купил долгожданную корову.

Маленький Давид не сразу понял, что именно стояло перед ним, тупо жуя свежескошенную траву посредине цветочного газона, когда во всю прыть выбежал во двор. Нет, дело не в том, что он раньше не видел коров. Белое миниатюрное создание с коричневыми пятнами на боках и несоразмерно большим выменем лишь отдаленно напоминало крупно-рогатую скотину.

И все же это была корова, которая виляла хвостом и стелила на зеленый коврик газона лепешку за лепешкой. Что касается бабушки, творению этому не хватало только крыльев, настолько ангельское впечатление производила она всем своим благообразным видом.

– Это порода такая, карликовая, – пояснила она, с интуитивной проницательностью помогая мальчику найти простое объяснение.

– Она мало ест и дает много жирного молока,
– сказала бабушка, обнимая низкорослую буренку в порыве своих чувств.

Презрительно взглянув на животное, которое успело украсить чистый двор свежим навозом и которое всего лишь за охапку сена готово прийти в чужой двор и нарушить покой, маленький шалопут направился домой долеживать на диване чудное субботнее утро.

Появление коровы не вызвало у Давида большой радости. Ибо сообразительный мальчишка уже догадался, кому теперь придется убирать за этим некультурным созданием каждое утро и кому придется кормить и поить ее два раза в день.

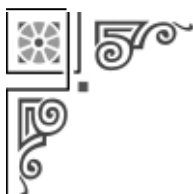
– Давид, дорогой, теперь судьба нашей буренки в твоих руках, – сказал чуть позже дедушка Галим, сидевшему за кухонным столом внуку.

Давид поперхнулся чаем. Мысленно он вскочил, парируя дедушке:

– Это ваша корова, сами ухаживайте за ней. Причем тут я? Почему меня никто не спрашивает, хочу ли я ухаживать за ней?! Она может испачкать все и не дать при этом ни кружечки молока!

– Ты же любишь молочко, сметану и сыр. Теперь у нас будет свое молоко, сметана и сыр,
– вступила в односторонний диалог с внуком бабушка, искренне радуясь приобретению.

– Ты должен ее кормить сеном и поить водой,
– продолжал дедушка, внимательно поглядыва-

вая на внука, явно расстроившегося в связи с появлением коровы.

– Завтра мы с тобой поедem за кукурузой, – обронил Галим, доливая кипятка в чай.

– Я не испытываю ни малейшей признательности за это двурогое чудище, которое поутру доставили в наш двор. Я буду глухим, как пень, и не буду слушать Вас, – яростно возражал в уме речистому деду Давид, и уже не слышал того, как мягко навязывал свою волю дед.

Сознание Давида от ужаса предстоящих перемен покинуло тело и направилось в соседний двор, где жил дядюшка Мушариф, от которого так нестерпимо несло навозом, что когда он приходил к дедушке Галиму за советом, даже лежебока кот Сιο с реактивной скоростью выбегал на улицу.

Мушариф был соседом дедушки Галима. Его дом располагался неподалеку. Еще в детстве родители, забрав его из школы, отдали двенадцатилетнего мальчишку в колхоз. Он был самым старшим в семье, и отец принес на алтарь коллективного труда безропотную жертву ради спасения от голода остальных детей. У Мушарифа было два брата и три сестры, и это обязывало его стать опорой отцу, так что роптать на судьбу ему не дозволялось. Но он всегда смутно ощущал на себе трагическую ошибку судьбы, которая заключалась в жизни его семьи. И как часто это случается – к нелепостям судьбы присоединились досадные обстоятельства – в шестнадцать лет его посадили в тюрьму за кражу

теленка, которую он не совершал. Отбыв срок в колонии строгого режима, Мушариф снова вернулся на ферму.

Отсутствие элементарного образования и тюремный штамп лишили несчастного всякой альтернативы в выборе места работы. Общество предательски отвернулось от него, и единственными живыми существами, с которыми Мушариф продолжал общаться, были коровы чегемской колхозной фермы. От долгого общения со скотиной он практически утратил дар речи и, порой, не находя нужного слова, просто мычал. Это был большой и угрюмый человек, с тяжелым и одновременно печальным взглядом. Его боялись детишки во всей округе.

Имидж дядюшки «Му» поддерживали родители непослушных детей, пугая преднамеренно своих чад несчастным и одиноким Мушарифом. Но последнее обстоятельство не обижало, а наоборот, даже доставляло дядюшке Мушарифу удовольствие. Ибо вырванному много лет назад из ребяческой среды Мушарифу игра в кошки-мышки не только напоминала, но и компенсировала украденное взрослыми детство. Магический аромат и запахи этого времени преследовали не раздавленное тяжелым трудом скотника воображение, вызывая в Мушарифе запоздалые рефлексy не наигравшегося ребенка. По его темному, воловьему взгляду и поведению можно было понять, что он забавляется от души, зажигая местную детвору своими проделками.

В редкие дни, когда дядюшка Мушариф находился в доме, который он построил вдали от своей семьи, выходя со двора на улицу и увидев играющих у ручейка детей, он тихонько подкрадывался к ним, издавал звериный рев, словно кидаясь на них, а уж затем носился за ними по улице.

Давид даже вспомнил случай, когда очередной поход на соседских детишек закончился обмороком Цыфы, который, увлекшись игрой в экскаватор, не заметил, как над ним наклонился дядюшка Мушариф. В какой-то момент уловив, что он играет не один, и всем своим щупленьким тельцом почувствовав присутствие «минотавра», Цыфа оглянулся и, увидев выпученные глаза и оскалившийся облик дядюшки Мушарифа, тут же упал навзничь.

С тех пор бедный Цыфа играл с оглядкой, периодически вскакивая и смотря по сторонам, как суслик.

– Если бы дядюшку Мушарифа отдали не на ферму, а в школу искусств, возможно, из него получился бы художник или певец, а может, и музыкант. Они – эти глупые взрослые – погубили его! – подумал Давид и ужаснулся пришедшей ему на ум перспективе.

– Давид, ты слышишь меня, мальчик мой, – прервал бурный мыслительный процесс юного фантазера дедушка Галим.

– Да, дедушка, – отозвался Давид.

– По утрам корове сено буду давать я. Буренка встает рано и ее нужно кормить и поить рань-

ше, чем ты обычно встаешь, соня. А вот по вечерам она будет с нетерпением ждать сена и воды от тебя, мой дорогой, – улыбаясь, предложил дедушка Галим.

– А сейчас доедай свой завтрак и вперед – в сад! – сказал торжествующим голосом дедушка и, погладив по голове побледневшего от последних событий внука, вышел из дома.

День прошел быстро, лишив Давида возможности полностью насладиться выходными. Давид заметил, что время становится одинаково быстротечным во время игр и работы. Аккуратно переложив яблоки из ведерка на старое шерстяное одеяло, Давид уселся напротив дедушки, который с упоением перекладывал плоды в ящик, стоявший перед ним, и начал для интереса считать уже наполненные до отказа готовые ящики.

– Сорок два ящика, – крикнул Давид, восхищаясь от проделанной работы.

– Мы сорвали сорок два ящика, дедушка! – повторял зачарованно мальчуган.

– Да, Давид. Ты – молодец. Ты умеешь работать, когда хочешь, – произнес дедушка Галим фразу, ставшую классическим афоризмом семьи.

– Мусульмат, – позвал дедушка Галим свою супругу. – Уже вечер, на сегодня хватит, приготовь нам ужин. Мы с Давидом проголодались.

Бабушка послушно отряхнула свой фартук, разукрашенный цветами, и который по своему

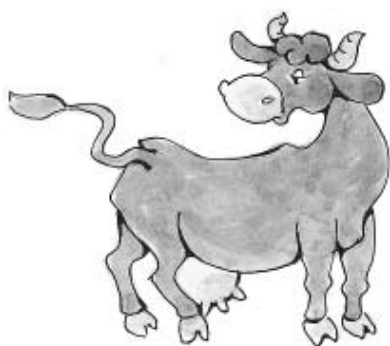
назначению являлся исключительно кухонным атрибутом, но везде находил себе применение. Сообразительная бабушка Мусульмат превратила это нехитрое и воистину народное приспособление в многофункциональный предмет, например, минуту назад она собирала в него яблоки, используя вместо ведерка, по утрам она из него кормила кур кукурузой, в летнюю жару он служил ей веером, и только иногда он использовался как фартук, по назначению.

Пока бабушка готовила ужин, Давид с дедушкой разложили в ящики все сорванные яблоки и, накрыв собранный урожай физической картой мира, которых у дедушки было великое множество, отправились в дом. Горемычный образ дядюшки Мушарифа не покидал Давида и во время ужина.

– Дедушка, – сказал Давид, отодвинув в сторону тарелку с супом из проса. – Все наши соседи выгоняют по утрам коров на улицу, и они сами находят себе еду. Может и нам следует выгонять на улицу нашу буренку? Ей же одной скучно? – сказал Давид дедушке, обрадовавшись пришедшей на ум идее.

– Да, Давид, мы будем выгонять нашу буренку на улицу, но только весной, когда начнется пастбищный сезон. Он начинается в начале мая и заканчивается к сентябрю. В этом году мы уже не успеем, – сказал дедушка, удивившись прозорливости внука.

– Но они, Давид, не ищут еду сами. Их гонят на пастбище пастухи, которым мы платим за это

деньги. Они их гонят через все село в сторону холмов, на склонах которых растет сочная альпийская трава.

Ответ дедушки явно расстроил маленького Давида. Образ дядюшки Мушарифа вновь всплыл в сознании мальчика. Он, словно злой призрак, преследовал Давида, шепча ему на ушко:

– Если бы не мои родители и коровы, я стал бы великим музыкантом, а может, художником. Он погубит тебя, твой дед!

Между мечтами Давида и реальностью простирался огромный зеленый луг. Давид вскочил из-за кухонного стола и, громко заявив, что сыт всем этим по горло, направился в свою комнату.

– Что это с ним?– спросил дедушка Галим бабушку, со вкусом макая домашний хлеб в острый соус из аджики и сметаны.

– По-моему, ему не по душе наша буренка, – сказала бабушка, пожимая плечами.

– Что значит ему не по душе, – фыркнул дедушка. – Кто он такой? – произнес он в следующую секунду, грозно стукнув по столу своим большим морщинистым кулаком. – Мало что ему не нравится! А кушать ему нравится? – грозно вскрикнул дедушка Галим, да так, чтобы его услышал Давид, закрывшийся в своей комнате.

– Ну что ты завелся, Галим, – сказала бабушка Мусульмат, стараясь успокоить супруга.

– Он нормальный ребенок, и ему хочется, как и всем соседским детям, играть и носиться по улице с местной пацанвой. Может, освободишь его от обязанности ухаживать за коровой?

– Путь от пастуха до мудреца лежит через зеленый лужок, и пусть Давид его пройдет с благородством. Унизительных положений в его возрасте не бывает. И никакая корова не может унизить Давида, если он сам не унижится до безмозглой скотины, – сказал дед и предложил бабушке закрыть эту тему на оставшийся вечер.

Через приоткрытую дверь кухни Давид слышал все. Странность происходящего превышала все его ожидания. Он никак не мог предположить, что и корова на что-то может претендовать в его жизни. В радужной оболочке его карих глаз отражалась только прекрасная Нина, а смотреть прямо в глаза своему незнанию Давиду не хотелось. Ладно, сказал про себя Давид, на завтра отыщется решение, как избавиться от этого рогатого чуда, и, затолкав книжку под подушку, спокойно лег спать.

Похищение Малютки

Утром дедушка Галим встал намного раньше, чем обычно. Отдав процессу омовения непреложные полчаса и тщательно надушившись дорогим одеколоном, дедушка Галим поспешил в сарай, где, как он предполагал, его ждет голодная буренка. Бабушка Мусульмат накрывала стол, когда из сарая донесся пронзительный крик дедушки Галима.

— О, Аллах, — кричал дедушка, вызывая к Всевышнему. — Накажи этих нелюдей за содеянное! Обреки их на вечные муки, лишив рук и ног. Обреки их самих и род их на голод и скитания. Да свершится правосудие, аминь!

— Что случилось Галим, что ты причитаешь как наша соседка Леля, — отозвалась тотчас бабушка Мусульмат, приближаясь на бегу к разъяренному супругу.

— Нет больше нашей Малютки, украли ее, — сказал потрясенный дедушка Галим.

— Как это украли? Что ты говоришь такое, безумный? — возмущенно вскрикнула бабушка и метнулась в сарай.

О том, что несчастную похитили совсем недавно, бабушке Мусульмат сообщили все еще теплые лепешки, которые сознательное животное в качестве вещдока оставило в момент похищения.

Быстро сообразив, что воры не могли уйти далеко, бабушка Мусульмат кинулась к телефону.

Через час на место преступления прибыла милицeйская машина. Участковый милиционер Мухарбий Пшихачев, возглавивший следственную группу, приказал младшему по званию, Шарику, брать след преступника. Минуту-другую, покрутившись вокруг сарая, немецкая овчарка потянула участкового в дом.

Еще через минуту, громко лая, Шарик рисовал круги вокруг кровати Давида. Самого мальчика дома уже не было. Не было дома и дедушки Галима, который даже предположить не мог, что его внук стал главным подозреваемым по делу о краже Малютки.

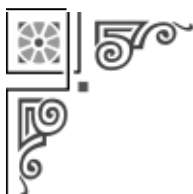
– Мусульмат, – сказал участковый Мухарбий, учтиво обращаясь к своей бывшей учительнице по родному языку.

– Улики, а именно следы тридцать первого размера, оставленные в подсобном помещении и ведущие из него прямо на улицу, а затем в дом, свидетельствуют о том, что к похищению коро-вы имеет отношение ребенок лет семи-восьми. Этот ребенок проживает в вашем доме или же он у вас бывает очень часто...

Логика опытного следопыта работала железно, распутывая преступление проверенным методом дедукции.

– Да, у меня есть внучек Давид, – с нескрывае-мым чувством гордости произнесла бабушка и тут же изменилась в лице, поняв, куда клонит бывший троечник Мухарбий.

В одну секунду кроткий и мягкий нрав бабушки сменился на оборонительно-наступательный.

Видно было, что она полностью отдает себе отчет в значительности момента. Трагическое достоинство, плавно перешедшее в стоическое мужество перед лицом непоправимого бесчестья. Потеря буренки больше не воспринималась как невосполнимая утрата семьи, когда затрагивалась честь ее бесценного внука.

– Ты что этим хочешь сказать? – гневно откликнулась бабушка Мусульмат. Слова участкового о возможной причастности к краже ее ангелочка Давида укололи старушку в самое сердце, и она заговорила вне себя от возмущения: «Кто Вам дал право винить ребенка! Всякий сопляк будет учить меня правде. Слава богу, что я еще умом не тронулась и знаю точно – у кого на самом деле дурной характер!» Тут она к месту усмехнулась, снижая пафос милиционера намеком на его посредственность.

– Нет, нет, уважаемая Мусульмат, – едва слышно пролепетал Мухарбий. – Я лишь хочу сказать, что возможно вашему дорогому внуку что-либо известно. Но вы сами можете с ним поговорить. Я лишь делаю свою работу, пытаюсь найти вашу буренку, – оправдывался милиционер.

– Ты сюда зачем пришел: корову искать или голову мне морочить?, – прикрикнула бабушка Мусульмат на бывшего ученика, демонстративно взявшись за бока.

– Каким бездарем ты был в школе, таким ты и остался, Мухарбий. Забирай свою псину и

топай отсюда пока цел, – воинственно произнесла божья старушка и уверенным маршем пошла в наступление.

Быстро сообразив, что бабушка Мусульмат не шутит, участковый Мухарбий поспешно ретировался со двора Алоевых, увлекая за собой Шарика.

– Корову мою найди, слышишь! – прокричала в след Мухарбию она и закрыла калитку с шумом.

В поисках потерявшейся коровы Давид обошел половину села. Малютки нигде не было. Шел шестой час с того момента, как маленький Давид выпроводил безобидную буренку на улицу. В глазах его, горячих и влажных от слез, много чего смешалось: от сожаления, что поступил плохо, до надежды, что все-таки найдется...

Давид бегал по узеньким деревенским улочкам Чегема, расспрашивая сидящих на скамейках стариков, не видели ли они низкорослую буренку с коричневыми пятнами по бокам. Но корова как сквозь землю провалилась. В поисках коровы Давид провел весь день. Настал вечер, и деревню окутали сумерки. Мальчик шел домой, с трудом переставляя окаменевшие от усталости ноги. До дома оставалось совсем немного, как неожиданно в вечерней мгле его взор привлек уже знакомый рогатый контур. Малютка стояла у чей-то крепко запертой калитки, жалобно пригнув голову. Косая тень уходящего дня перечеркивала ее надежду быть впущенной в чужой двор. Неимоверная

тоска по родному стойлу сквозила в ее скульптурной позе просительницы. Может, Малютке явно стало не по себе оттого, что она ничья, либо Малютка, почуя коровьей природой, что мальчик нервничает, решила подыграть случаю, но в тот момент, когда они решительно шагнули навстречу друг другу, засиял улыбкой лишь Давид.

– Малютка! – радостно обнял ее мальчуган. Ему показалось, что буренка, настрадавшись, плачет.

– Прости меня, Малютка, – сказал Давид расстроганно. – Я так нехорошо обошелся с тобой. Прости, если можешь. И пойдем домой, нас там ждут.

Так они стояли друг против друга, и буренка еле заметно покачивала головой: то ли отказывалась подчиняться, то ли удивлялась хитрости и изобретательности Давида, который вознамерился еще раз обмануть ее доверчивость.

– Нет, Давид, – отрезала Малютка, замычав на своем диалекте, который представлял собой испорченный язык обиженного судьбой человека. – Ты прогнал меня на улицу. Сделал из меня изгоя. Все коровы надо мной потешаются. Скоро зима, и я замерзну от холода, а если повезет до этого – меня съедят волки. Нет у тебя сердца, Давид. Мне не нужен такой подлый хозяин, как ты. Лучше я сама уйду! – протяжно замычала буренка и, махнув прощально хвостом, с достоинством пошла прочь.

Давид поднял голову к темнеющим небесам и молитвенно заговорил: «Ради всего святого, прошу тебя, вернись, дай мне еще один шанс исправить свою ошибку!»

– Ладно, – как можно толерантнее сказала своему обидчику Малютка, – забыли. Пойдем к старикам, уже поздно.

Когда Давид и буренка в обнимку зашли во двор, дома горевала одна лишь бабушка. Пока Давид искал корову, дедушка Галим, мама и тетя Тата искали в свою очередь Давида. Увидев буренку, бабушка Мусульмат запричитала от радости.

– Давид, ты нашел ее, мой мальчик. Ты – мое золото, я всегда знала, что из тебя выйдет настоящий мужчина, – торжествующе сказала бабушка и расцеловала утомленного поисками Давида.

– К сожалению, внучек, нет меда без ложки дегтя, – добавила она через мгновение.

– Мария Ибрагимовна, выявив во время утренней переклички твое отсутствие на уроке, сообщила об этом дедушке. А твой дедушка поднял на уши все село, Давид. Давай, иди, поешь чего-нибудь поскорее и ложись спать, пока он не вернулся. Он очень зол на тебя, но до утра остынет, – успокаивающе проговорила бабушка и уложила уже спящего на ногах внука на диван.

Ближе к ночи домой вернулась поисковая группа из мамы, тети Таты, тети Хажгуаши и

соседки Лели. Руководитель группы – дедушка Галим зашел во двор первым.

– Он уже спит! – предупредительно сообщила бабушка, встречая своего супруга.

– Дайте мне этого сорванца, я с него шкуру спущу, – произнес дедушка Галим, снимая на крыльце свои запыленные ботинки.

– Тихо, что ты раскричался, – возразила бабушка, закрывая собой путь в дом. – Что было, то было. И нечего его ругать.

Дедушка, вздохнув, беспомощно посмотрел на часы. Не произнося ни слова, мама Давида растолкнула толпящуюся у крыльца родню и побежала к своему чаду, которое без задних ног сопело на диване.

– Шустрый ребенок, – сказала она обессиленным голосом, – весь в дедушку.

В устах мамы это не обязательно означало похвалу. Скорее, это было похоже на признание редкостности ее единственного экземпляра.

Проводив до калитки требующую экзекуции Давида соседку Лелю, дедушка Галим зашел в неказистый сарайчик и, убедившись окончательно в том, что кошмар дня позади и на соломе подрагивает во сне Малютка, а не чья-то чужая корова, пошатываясь от усталости, направился к дому.

Наверху, на последней ступеньке крыльца, сидела, все еще дожидаясь, верная супруга

Мусульмат. Галим, почувствовав беспокойство, спросил, опережая вопрос:

– Неужто согласишься продавать корову? Знаю, Леля хотела купить.

– Не простой характер у нашего мальчика, Галим, – сказала она уклончиво, стягивая с уже засыпающего супруга носки. – Мы сами виноваты в том, что случилось. Слишком много требуем от нашего Давида.

– Я продам эту корову, – тихо произнес дед и захрапел в завораживающую сном глубину ночи, как бы поощряя саму мысль о возможной продаже коровы.

Утром следующего дня случилось то, что запомнилось маленькому Давиду на всю жизнь. Он впервые увидел бабушку в роли тореодора.

Было пять часов утра, когда к дому подъехал грузовик, из которого буквально вывалился от усталости участковый милиционер Мухарбий.

Подойдя к железной калитке и приняв важный вид, он стал звать бабушку Мусульмат бодрым голосом.

– Что ты орешь на все село, и какие черти тебя принесли в такую рань? – донесся по ту сторону калитки раздраженный голос старушки.

– Я нашел Вашу буренку, – радостно доложил Мухарбий бывшей учительнице.

– Что ты сказал? – отозвалась с усмешкой Мусульмат, открывая дверцу.

– Я нашел вашу корову, уважаемая Мусульмат, – повторил с пущей настойчивостью милиционер.

Бабушка Мусульмат подошла к милиционеру, торжественно стоявшему перед ней в хорошо отглаженной милицейской форме, значительно, с укором посмотрела ему в глаза и начала хохотать так громко, что от старушечьего хохота у далеко не слабонервного участкового задрожали уши.

Вдоволь посмеявшись и успокоившись при виде любопытствующих соседок, Мусульмат обратилась к озадаченному поведением старушки милиционеру:

– Ну, показывай, кого ты нам привез. Удиви!

Мухарбий подошел к кузову грузовика, откинул тент и со словами: «Алле-гоп!» – открыл бортík кузова.

– А-а-а... Ха... Ха... Ха..., – разразилась повторным смехом старушка.

– Эх ты, Мухарбий, сын Долата, – сквозь смех отмахивалась бабушка. – Что ты за мужик такой? Не можешь отличить корову от быка. Это же бык, а у нас кто пропал? Корова! Не позорь своих бедных родителей, ты чью скотину привез? Мы-то свою нашли! Тебе бы артистом работать, а не милиционером, – сочувственно заключила бабушка, все еще посмеиваясь над покрасневшим от стыда милиционером.

Не сказав ни слова, участковый Мухарбий отдал честь разошедшейся от смеха старушке,

закрыл дверцу грузовика, сел в машину и уехал не прощаясь.

Разбуженный смехом любимой бабушки, Давид спрыгнул с кровати, и как обычно, на ходу натягивая штаны, побежал в сарай, где все еще спала Малютка. – Ты еще спишь, соня? – крикнул Давид, широко распахивая дверцу подсобки.

– Я принес тебе воды и кукурузы, вставай же!
– крикнул Давид, зовя корову.

Малютка лениво встала и, все еще одолеваемая дремой, поплелась к Давиду. Сделав два – три глотка из ведерка с водой, буренка, сопя носом, потянулась к Давиду и благодарно лизнула руку, мешавшую на тот момент корм с водой.

– Ладно, ладно, не подлизывайся. Я тебя и так не выгоню, будь спокойна, – почесывая куцеравый лоб буренки, с покаянием произнес Давид.

Отец

В этот день Давиду казалось, будто весь мир заново знакомится с ним.

Давида чествовал весь класс.

– Поздравляем!

– Поздравляем!

Доставленный утром в школу бабушкой Мусульмат торт придавал именинам Давида особую важность. 2 ноября мальчику исполнилось 9 лет, и чувствовал он себя на целый год взрослее. Свысока поглядывая на Мыну и Санчо, у которых девятый день рождения наступал только в январе, Давид прошел под всеобщие аплодисменты через весь класс и подошел к столику, на котором стоял бабушкин торт.

Едва он воткнул ножик в «Медовник», как множество детских рук разорвало кондитерский шедевр на кусочки, оставив от последнего лишь пустой поднос и пару свечей.

Получив в подарок от класса набор цветных карандашей, довольный, как удачливый, Давид уселся за парту. Учебный день прошел быстро.

Спешно покинув школу, неразлучные друзья: Давид, Мына, Хасанбий и Олег направились домой к имениннику, где тот намеривался продолжить банкет. Дома об этом, конечно же, не знали. Но Давида это сейчас не беспокоило, в этот святой день он диктовал условия всем, даже дедушке Галиму.

Друзья шли быстро, чтобы успеть поставить родителей Давида перед фактом еще до того, как в поселке закроется единственный кондитерский магазинчик.

Едва мальчики покинули школьный двор и вышли на улицу Школьную, как чей-то родной голос окликнул Давида.

— Давид, мальчик мой, — произнес мужчина, стоящий у забора, отделяющего школу от окружающих ее частных домов.

Голос отца Давид узнал бы из тысячи.

Покрасневшие от мороза щеки и побелевшее от снега пальто подсказывали Давиду, что отец простоял в ожидании сына ни один час.

— Мальчик мой, как же я соскучился, — сказал отец и обнял сына.

— Как же ты изменился, сынок, тебя не узнать, — произнес он и, не совладав с обуздавшими его чувствами, заплакал.

Сын посмотрел на отца, которого давно не видел. Папа изменился. Он посерел и осунулся, его глаза потускнели, лишив его лик радужности. Целеустремленные черты лица уступили место морщинам, и некогда уверенный взгляд сменился на слабохарактерную мину.

Появление отца расстроило Давида. Он вспомнил, как однажды во время уроков в класс вошли социальные работники и позорно огласили перед всеми учениками список детей, росших без отца. Всего в классе Давида, включая его самого и друга Мыну, таких детей было

четверо. Соцработники по одному поднимали смущенных детей и торжественно вручали им подарки от страны советов. Когда очередь дошла до Давида, и миловидная женщина протянула ему куртку, Давид толкнул ее и выбежал из класса.

Сюжет из прошлого растрогал мальчика и, прижавшись к отцовской груди, Давид заплакал.

– Я люблю тебя, папочка, – повторял Давид, обнимая и целуя в щетинистую щеку своего отца.

В какой-то момент, успокоившись, Давид, вспомнил про своих друзей, ставших невольными свидетелями семейной драмы. Он обернулся, но друзей уже не было.

– Они ушли, – проговорил отец.

– Ладно, сынок, поплакали, и хватит, – сказал папа, вытирая с лица сына слезы.

– Пойдем домой, я хочу тебя кое с кем познакомить.

Имение отца располагалось неподалеку от школы. Пройдя этот путь за полчаса, отец с сыном приблизились к большому двухэтажному дому с зеленой крышей. Когда маленький заборчик из красного кирпича, вдоль которого шел Давид, закончился, мальчик вырвался из рук папы и, на бегу отворив калитку, забежал во двор.

Давид обратил внимание, что отцовский двор остался нетронутым: большой виноградник, накрывавший половину двора, так же не-

брежно свисал по краям, под навесом все еще стояла железная кровать, в которой летними вечерами любил предаваться размышлениям ее владелец.

Недолго покрутившись во дворе, мальчик быстро пересек его и ступил в дом, окруженный дикими розами и кипарисом. Аккуратно повесив свое пальто на вешалку в коридоре, Давид направился в гостиную и, озираясь по сторонам, уселся на любимый диван.

Неописуемое, сказочное тепло проникло в его душу. От запаха отцовского табака у мальчика закружилась голова. Окружающие его предметы и запахи окунули Давида в сказочное прошлое. Он вспомнил, как любил спать на этом диване в обнимку с отцом. Журнальный столик, стоящий напротив Давида, напомнил ему, как отец собирал на нем самолетик для сына.

Давид встал с дивана, подошел к дверному проему, ведущему в детскую спальню.

На дверной раме простым карандашом были начерчены полосы. Так, в год один раз, 2 ноября, в день рождения Давида, отец фиксировал прогресс в росте сына.

— Их пять, — сказал отец, вошедший вслед за Давидом в гостиную.

— Тебе было пять лет, когда мы с твоей мамой разошлись, Давид.

Давид не спросил отца, почему родители расстались. Причиной, прервавшей брак на девятом году совместной жизни, было пристрастие

отца к алкоголю. Давиду об этом никто не говорил, но он помнил многочисленные скандалы, которые возникали каждый раз, когда глава семейства возвращался домой выпивший.

Незаметно для самого себя и окружающих его родных, обеспеченный и подающий надежды молодой глазной хирург стал алкоголиком, со всеми вытекающими из этого последствиями. Это не произошло в одночасье. Отец губил себя долго и упорно.

– Давид, я сейчас вернусь, посмотри пока телевизор, – сказал отец и вышел, прикрыв за собой дверь.

Спустя некоторое время дверь гостиной снова открылась, и в комнату вошла незнакомая женщина.

Давид знал, что отец снова женился. Еще в прошлом году мальчик стал невольным свидетелем разговора соседки Лейлы с бабушкой Мусульмат. Та, будучи известной в селе сплетницей, рассказывала бабушке Давида о том, что ее бывший зять женился.

– Здравствуй, Давид. Меня зовут Марита.

Женщина, ставшая следующей спутницей отца, была немолода и не очень красива. До того, как пойти под венец, она проработала ассистенткой отца Давида какое-то время.

– Я супруга твоего отца, – многозначительно произнесла женщина.

Последнее обстоятельство явно было предметом гордости Мариты. Ей было давно за

тридцать, и отец Давида, хоть и потрепанный, но, как говорится, хороших кровей, был последним шансом Мариты.

– Ты меня не знаешь, но я очень много слышала о тебе, – сказала она, улыбаясь.

Вслед за женщиной зашел отец. В руках он держал маленького ребенка.

– Это твоя сестра, – сказал он, протягивая девочку изумленному Давиду.

– Ее зовут Олеся.

– Возьми же ее на руки, Давид. Посмотри, как она похожа на тебя.

Давид растерялся. О ребенке, тем более, который приходится ему сестрой, Давид даже не подозревал. Немного постояв в оцепенении, он взял девочку на руки.

Заинтересовавшись появлением нового объекта в доме, сестренка Давида стала внимательно изучать мальчика.

Тут же свитеру Давида пришлось расстаться с пуговицей, а через минуту крошечная хулиганка одарила мальчика «святой водицей». Выходка девочки сильно огорчила Давида, хотя до слез рассмешила родителей ребенка.

– Это она признается тебе в любви, Давид, – сказал, заливаясь смехом, отец.

Давид почувствовал себя чужим в отцовском доме. Ему стало обидно, но, подавив жалость к себе, он встал с дивана.

– Мне пора.

Поняв, что Давид расстроился, женщина взяла из рук мальчика дочку и скрылась за дверью спальни.

– Я хочу, чтобы ты знал, – остановил Давида отец.

– Чтобы ни случилось, я очень тебя люблю. И никого на этой земле я не люблю больше тебя, мой дорогой. Ты кровь и плоть моя, – проговорил отец и прижал к груди Давида.

– Я тоже тебя, люблю папа, – опустив голову, ответил Давид.

Отец и сын шли по освещенной уличными фонарями сельской улочке. Оставшись наедине с отцом, Давид снова повеселел. Мальчик шел впереди отца, захлеб рассказывая папе о своих друзьях, соседях, одноклассниках и многом другом, что на его взгляд должен был бы знать отец о сыне. Отец внимательно слушал Давида, иногда останавливаясь и смеясь над простодушными историями. Казалось, что они и вовсе не расставались. И лишь приблизившись к дедушкиному дому, Давид понял, что пора расставаться с отцом.

Мальчик взял отца за руку и сжал ее. «Какая же она теплая и сильная», – подумал Давид. Ему не хотелось снова разлучаться с папой. Он поджал ноги и повис всем телом на отцовской руке.

Отец запустил руку за пазуху и извлек из глубин пальто небольшой сверток.

– Что это? – запрыгал Давид от радости.

– Это подарок, – обронил смущенно отец.

– Откроешь коробочку дома...

Сбросив в прихожей ранец и ботинки, Давид направился в свою комнату. Усевшись на кровать, он начал торопливо распаковывать празднично оформленный коробок. Из вороха разноцветной бумаги Давид извлек черный прямоугольный футляр. Открыв его, он радостно воскликнул:

– Ура!

Наручные часы были давнейшей мечтой маленького щеголя. Он вскочил с кровати и побежал на кухню, чтобы похвастаться перед бабушкой и бабушкой отцовским подарком, но, вспомнив, что это может навредить папе, вернулся в спальню и спрятал подарок под одеялом.

Два года назад Чегемский районный суд запретил отцу Давида видеться с сыном. Так захотела мама, у которой на то были свои основания. От тоски отец напивался и устраивал скандалы на маминой работе. Давид узнал об этом суровом решении суда из постановления, на которое он случайно наткнулся, копаясь в книжном шкафу.

На кухне Давида ожидали дедушка Галим, бабушка Мусульмат, мама и праздничный стол.

Давид редко удостоивался поцелуев вредноватого дедушки. Но уж если это происходило, то делалось это от души.

Наклонившись, дедушка расцеловал внука и со словами: «Я дарю тебе весь мир», – вручил

внуку глобус и карту мира, позаимствованные им у школы на вечное пользование.

Завершив на этом поздравительную часть своей речи, как обычно это бывало, дедушка Галим плавно перешел к нравоучениям.

– Давид, твое благородное происхождение обязывает тебя стать честным и благородным человеком. Ты должен хорошо учиться и слушаться маму. Где бы ты ни был, ты должен помнить про свой дом. А главное – ты должен слушаться меня, мой дорогой, ибо только во мне ты найдешь себя...

– Оставь его в покое, Галим, – прервала его бабушка Мусульмат.

– Давай-ка лучше выпей за его здоровье.

Многозначительным взглядом осудив супругу за вмешательство, дедушка Галим встал во весь свой могучий рост и, положив руку на сердце, опустошил бокал с вином.

Затем, одобрительно похлопав внука по щеке, дедушка Галим уселся за праздничный стол и занялся курочкой в сметане.

– Сегодня на свет появился мой любимый и единственный внучек, – продолжила праздничную церемонию бабушка Мусульмат.

– Мой дорогой, я желаю тебе, чтобы ты стал самым счастливым человеком на этой земле. Чтобы был всегда здоров, а для этого ты должен стать доктором, мой красавец. И тогда за твое здоровье будет молиться все село, как за моего брата Исуфа. Что бы мы без него дела-

ли? Дай, Аллах, ему долгих лет жизни, – сказала бабушка и с обожанием посмотрела на фотографию единственного брата, висевшую над головой Давида.

За праздничным столом царило всеобщее единство и взаимопонимание. Уставшая от кухонных забот, мама мальчика просветленно молчала. Давид сидел за столом, обложенный подарками и окруженный вниманием бабушки Мусульмат и дедушки Галима. Но ничто в тот момент не грело так сильно его маленькое сердце, как подарок отца, спрятанный втайне от всех под детским одеялом. Часы тикали в унисон его настроению и как бы напевали: я всегда буду рядом, даже на расстоянии...

Неожиданное появление папы изменило отношение Давида к окружающему миру, и прежде всего – к самому себе. Какая-то невидимая нить вновь связала сына с отцом, наполнив душу мальчика чувством гордости и абсолютной полноценности. Давид понял, как ему повезло, что у него есть папа, и пусть он живет не с ним, пусть где-то далеко... Главное, что он есть.

Поединок чести

Было 12 часов дня. Давид выбежал из класса одновременно со школьным звонком. Он спешил к Нине, которую не видел со вчерашнего дня. Миновав лестничную площадку, ведущую со второго на первый этаж, мальчик помчался к школьному буфету, где уже толпились проголодавшиеся дети. Нины еще не было. Давид решил купить для Нины что-нибудь вкусненькое и полез в карман в поисках монеты, которую перед уходом на работу дала мама. Только он нащупал кругляш в кармане, как на него со слезами налетела Нина.

– Его зовут Рустам, он учится в нашем классе. Он дергает меня за волосы и обзывает! – сказала Нина и выпустила из больших зеленых глаз пучок слез.

– Ты должен заступиться за меня. Ты же мой кавалер? – с надеждой посмотрела на своего рыцаря девочка.

Конечно же, Нина могла пожаловаться на своего обидчика учителю, и хулигана наказали бы по всей строгости. Но большое чувство нуждалось в доказательствах.

Мальчик явно не был готов к такому повороту событий. Он молча смотрел на Нину, хлопая ресницами.

Сообразив, что рыцарю необходима дополнительная мотивация, Нина разревелась еще громче. Давид по-прежнему бездействовал.

Убедившись в несостоятельности своего кавалера, настойчивая Нина взяла за руку нерешительного Давида и потащила его к Большому Рустаму. Так звали негодника, который в тот момент гонялся за очередной жертвой по школьному двору.

Большой Рустам был действительно большим. Прорезавшиеся раньше времени черные усики придавали Рустаму угрожающе-свирепый вид.

Давид непроизвольно проглотил слюну, увидев, с кем ему придется выяснять отношения.

Но деваться было некуда.

– Эй, ты, – сказал Давид, приближаясь к врагу.

Бугай отпустил только что пойманную жертву с косичками и лениво взглянул на Давида.

Вблизи Большой Рустам казался настоящим монстром. Толстые пальчики Рустама сложились в кулачище и приготовились к бою. Взглянув на Рустама снизу вверх и по-новому оценив физические возможности врага, Давид сделал вывод: в честной драке не победить!

Вокруг двух гладиаторов собрались дети, и как всякий народ, требовали зрелищ.

– Ну, – произнес Большой Рустам и вопросительно посмотрел на Давида, который увлекся оценкой ситуации, в которую его втянула Нина.

Давид безмолвствовал. На помощь пришла Нина.

– Эй, кусок, – крикнула она, – Моли Всевышнего о пощаде. Сейчас мой кавалер из тебя отбивную сделает. И, между прочим, он внук завуча нашей школы, Галима Хажевича. И сделав паузу, пренебрежительно спросила:

– Знаешь такого?

Большой Рустам не имел понятие о том, что такое отбивная, но о Галиме Хажевиче он знал не понаслышке. Дедушка Давида не раз крутил хулигану уши в своем кабинете, куда того уже доставляли за насильственные действия над девочками.

Имя завуча ввергло Большого Рустама в ужас. С его лица исчезла самодовольная мина, и за секунду из драчливого бугая он превратился в маленького обиженного мальчика.

Враг был повержен без драки. Оставив на поле брани поверженного в пух и прах Рустама, Давид, Нина и сопровождающая их детвора побежали обратно в школу.

В этот вечер дедушка Галим вернулся позже, чем обычно. Он засиделся в своем кабинете, пытаясь завершить работу над учебным планом.

Дедушка Галим открыл калитку и вошел во двор. Уже темнело. Нащупав в темноте переключатель, он нажал на него. Уличный фонарь издал глухой щелчок и осветил двор, который, к удивлению Галима, был полностью очищен от опавших листьев. Увиденное приятно удивило дедушку Галима и одновременно насторожило его. Ленивый внук проявлял

инициативу исключительно в тех случаях, когда совершал какой-либо проступок. Таким образом, он старался смягчить неминуемое наказание. «Т-а-к...», – медленно, с растяжкой, произнес он, подготавливая себя к очередному сюрпризу.

Не веря своим глазам, он вновь пристальным взглядом осмотрел двор. Собранная в одну внушительную пирамиду осенняя листва, как это обычно делал сам Галим, была аккуратно смещена в угол цветочного газона и готова к ритуальному сожжению. Даваясь диву, Галим прошел на кухню, где вот уже более сорока лет он получал разъяснения и сводку последних новостей из источника, не подлежащего сомнению.

– Мусульмат, кто это сделал? – спросил Галим до кончиков ногтей преданную ему супругу.

– Твой внук, – повергая в еще большее недоумение деда, отозвалась бабушка.

– Да неужто спину гнул, лоща двор? – переспросил дедушка Галим.

В предчувствии плохих новостей он весь напрягся.

– Зря ты так, Галим. Но это еще не все. Слышала я, что внучек сегодня бока намял Большому Рустаму. Чуть ли не под орех его разделал?!

– Должно быть, это не последняя новость про нашего Давида? – проговорил дед.

– Ты же знаешь, Галим, у нашего мальчика душа нараспашку. Он и девочку сегодня защитил от этого дурня Рустама, – с гордостью продолжала бабушка перечислять достоинства внука.

– Какую девочку?

– Да Ниночку, – выложила одним духом бабушка Мусульмат, – от земли не видать, а чистый ангел. Давидику нашему помогла двор убрать, а сейчас вот в гостиной вместе уроки делают.

Не притронувшись к ужину на столе, дедушка Галим торопливо направился в гостиную.

– Здравствуйте, Галим Хажевич, – произнесла особенно учтиво Нина и встала с дивана, как подобает благовоспитанной кавказской невесте из хорошей семьи.

Дедушка Галим в ответ лишь смог кивнуть.

– Дедушка, это Нина, мы с ней дружим, – сказал Давид и бодро встал рядом с Ниной.

– Можно, Нина у нас останется ненадолго?

– без всякой робости спросил мальчик.

Да, конечно, – растерянно пролепетал дедушка Галим и потихоньку удалился.

Примирившись с тем, что Давид – новая реальность нового времени дедушка Галим тем вечером удалился к себе наверх без всякого ужина.

– Да, в наши времена за такой поступок мягкое место надрали бы. Да никто и не посмел бы,

– глухо произнес дедушка Галим, укладываясь на гамак под звездным лучистым небом.

Он поднял голову и посмотрел в синеву вечности. Такая ежевечерняя процедура утешала старика, заряжала его мысли космической энергией всепрощения. Оказывается, – думал он, пока он с пристрастием изучал строптивного внука, тот давно изучил его, слабости и привычки членов семьи, и действовал по-своему независимо. И все же надо отдать должное Давиду, снисходительно подметил дед, говорит и поступает Давид искренне, без фальши. Идеализм и романтизм детской души – испытание даже для меня, старого педагога. В детстве, понятно, без них нельзя. Но мне-то с ними что делать, когда за давностью лет перерос все «измы», освободился от необходимости обманывать себя и других, строить иллюзии насчет единства людей и страны, вечной любви и преданности идеалам? Для верности клану возвел себе дом-крепость, но, похоже, и тот скоро разрушится, а вместе с ним и чувство незыблемости семьи. Эти мысли заставили участиться сердечное биение, и Галим за поддержкой обратил свой взор снова к небесам. Над ним мерцали кристально чистые звезды. Большая Медведица, вывернутая ковшом, что соответствовала фамильному знаку клана Алоевых, безмолвно, как и звездный лев со сбитыми в сторону лапами, внимали безучастно переживаниям старика без всякой сакральной подсказки на то, что дальше с Давидом ему будет легче. Инстинкт самосохранения рода, подпитанный и мужским началом, и любовью

к родному внуку, не давал Галиму еще долго покоя, пронизывая уколами совести порядкам уставшее сердце.

Его супервнук, который должен помнить и знать все о своих предках и уметь все, что умели его суперотцы, вместо того, чтобы учиться жизни у единокровного деда, – без всякой учтивости пытается навязать ему свои правила игры. Нарушает свободно заповедь клана и при этом даже не запинается. Это другая категория отношения к миру, другой потолок притязаний и другой этаж возможностей.

Старик почувствовал Давида всем существом. И осознав, что никому на свете, кроме звезд, он всего этого не скажет, а тем более не пожалуется, Галим наконец-то утих. Из окна нижней комнаты, где жила мама Давида, доносились голоса из телевизора. Рынок, демократия, партократия, забастовка шахтеров, кризис системы, голодающий профессор из США – несло в поднебесье из электронного ящика, задевая живой нерв пульсирующей в предсмертной агонии страны Советов.

– Угораздило Давиду родиться в это злосчастное время, – пронеслось в мыслях у старика.

Дедушка Галим оторвал взгляд от звездного неба и со словами: «Нет более тверди в этой стране», – вздохнул, чтобы переключить все свое внимание на остросюжетный детективный сериал «Спрут-2», который уже начали показывать по телевизору.

Испытание разлукой

Маршрутка – так назывался маленький микроавтобус – остановился, свистя своими тормозными колодками и подобрав очередную группу пассажиров, продолжил свой путь из селения Чегем в столицу Кабардино-Балкарии – Нальчик, где предстояло жить и учиться Давиду Дария.

Так решила мама, которая посчитала, что ее необыкновенному ребенку нечего зря тратить время в сельской школе, когда есть гимназия. Дедушка Галим был категорически против, но под напором двух неистовых женщин – бабушки Мусульмат и мамы – сдал позиции.

Рассчитанный на восемь пассажирских мест микроавтобус вез в себе 16 человек, не считая ребенка, который сидел на коленях чужого дяди. Давид с интересом смотрел в окно, за которым мелькали деревья, заправки и отдаленные от трассы поселки.

Мама Давида стояла где-то впереди, согнувшись ровно наполовину, и когда при очередном повороте автомобиля между плотно стоящими в таких же причудливых позах пассажирами образовывалось пустое пространство, ловила свое чадо взглядом и, убедившись, что все в порядке, вновь опускала голову вниз.

Путь из Чегема в Нальчик занял чуть более часа, и когда маленький микроавтобус снова засвистел, мама Давида протянула руку своему ребенку и подала знак «на выход».

Через минуту Давид шел по вокзальной площади, торопливо переставляя ноги. Школа-гимназия, куда пристроили Давида, находилась в нескольких троллейбусных остановках от вокзала. Мама взяла Давида за руку и перевела через дорогу, где у остановки толпились замерзшие пассажиры.

Давида совсем не пугали перемены, напротив, его приятно забавлял новый статус городского жителя. И вдобавок проказник откровенно радовался тому, что помидорных грядок, дедушкиных яблок и сопутствующих им нравов и чужих в его жизни больше не будет.

Мама что-то говорила, периодически дергая Давида за руку и спрашивая: «Ты слышишь меня, Давид»?

Мальчик учтиво кивал головой, но не слышал слов матери: он был полностью увлечен городом – людьми, стоящими на остановках или перебегающими дорогу, автомобилями, вокзальной суетой, магазинчиками и многим другим, что отличает город от села.

Давид очнулся, когда его потащили в троллейбус вверх по ступенькам.

Сделав два-три шага в глубину троллейбуса, мама села на сиденье и прислонилась к себе Давида.

– Давид, постарайся грамотно отвечать на все вопросы, которые тебе будут задавать в гимназии. Это собеседование очень важно для нас, и если директор раскусит, что ты у нас малограмотный, нам придется вернуться

в сельскую школу. А это хорошая, пожалуй, лучшая школа в республике. Окончив ее, ты сможешь сразу же поступить в университет.

— Хорошо, мама, я постараюсь, — сказал Давид.

Собеседование носило формальный характер, и Давиду были заданы вопросы, на которые мог бы ответить практически любой советский ребенок. Выслушав Давида, директор очень мило и неуклюже развел руками и попросил подождать маму за дверью.

— Уровень знаний в сельских школах немного ниже, чем в городских. В нашей гимназии, как Вы знаете, программа еще сложнее. Вашему ребенку будет очень трудно преодолеть этот разрыв, — сказал мужчина, сложив крест на крест руки на столе.

— Мы постараемся, — сказала мама Давида.

— Не отказывайтесь от нас, Давид очень способный ребенок, и я думаю, что в течение года он подтянется.

— Вы понимаете, что для ребенка это будет стресс? — спросил завуч, сидевшую напротив женщину.

— Да, но мы с этим справимся, — сказала мама и твердо взглянула на мужчину, которому оставалось только согласиться.

Учебная программ гимназии была не просто сложнее сельской, разница между двумя программами была такой же, как, например, между научным коммунизмом и нартским эпосом,

который любила Давиду читать по вечерам бабушка Мусульмат. В первый же день Давид получил тройку по алгебре. С печальной вестью он вернулся домой и, переодевшись, тут же уткнулся с головой в учебник алгебры. Давид смотрел на учебник, а учебник на него, и ничего не происходило. Давиду не нравилась алгебра, а алгебре не нравился Давид. И они оба зря теряли время. Так прошел год.

В тот день школьный звонок зазвонил, как обычно. Давид вышел из класса и покинул школьный двор. Настроение было скверное, и как никогда хотелось увидеть Мыну, Хасанбиа, Хатрупу и даже Цыфу. Но больше всего он скучал по Нине. Путь из гимназии домой пролегал через вокзальный парк. Давиду было велено семейным решением преодолевать расстояние от гимназии до дома на троллейбусе, но, как всегда, упрямец решил поступить по-своему.

Давид летел по парковой аллее, разгоняя воздух новенькими кроссовками, когда его окликнули голоса.

– Эй, парень, подожди, – крикнул чумазый мальчик в оборванных штанах и первым направился в сторону Давида быстрым шагом.

Тянувшийся вдоль ограды бордюр из зеленого самшита зашевелился и выбросил на аллею еще троих таких же оборванцев, которые вмиг окружили Давида.

– Классные у тебя кроссовки, парень,
– с ухмылкой произнес один из городских разбойников.

– Заграничные? – спросил другой.

– Не дашь поносить, а? – сказал третий и толкнул Давида в плечо.

На этот раз Давид сражался до увесистого синяка, но, увы, силы были настолько неравны, что вернуться домой мальчику пришлось босиком.

Он сидел на кухне, сверкая большим фонарем под левым глазом. Мама что-то испуганно бубнила и бегала вокруг своего чада, размахивая руками. Затем была милиция, телефонный звонок, слезы подруги мамы, Зины и, наконец, к вечеру к дому подъехала «Волга» и Давида повезли к бабушке Галиму.

Давид горько сожалел об американских кроссовках, которые ему привезла из далекой Москвы мама. Спортивная обувь была предметом гордости мальчика, именно в них он чувствовал на себе всеобщее внимание и восхищение сверстников. Дефицит на все импортное породил в стране Советов в то время дикий голод к вещам из-за границы. Купить кроссовки, джинсы, парфюмерию в закрытой от внешнего мира стране легальным способом было практически невозможно. И лишь по большому «блату» и за большие деньги можно было приобрести вещь из другого мира. Кроссовки Давид лелеял, ставил на видное место, и все время протирал влажной тряпочкой.

В этот же вечер семейный совет, как всегда возглавляемый бабушкой Галимом, решил

вернуть Давида в сельскую школу, как только сойдет синяк. Дедушка Галим пообещал купить Давиду новые кроссовки, но только в том случае, если тот прополет огород. Огород был прополот, но вместо американских кроссовок дедушка Галим купил Давиду лучшие в сельском магазине советские кеды.

Усилиями мамы синяк быстро сошел с лица, и уже через неделю Давид мчался в дедушкиных кедах по родной улице в родную чегемскую школу. От предвкушения встречи с Ниной его сердце билось так сильно, что казалось, вот-вот оно выпрыгнет из груди и унесется в небо.

Давид лихорадочно перебирал в голове слова, которые он скажет возлюбленной, когда увидит ее.

– Я скажу ей, – твердил он себе, – Нина, я так скучал по тебе. Без тебя моя жизнь потеряла смысл и превратилась в каторгу. Ради тебя я бросил гимназию и вернулся в сельскую школу. Я люблю тебя.

Высокая нота, вымученная в страданиях и взятая с трудом, комом застряла в горле Давида. Он увидел зеленоглазую Нину. Она с наслаждением отгрызала шоколадному зайчику уши, сидя с его закадычным другом Мыной на школьной скамейке в окружении подруг. Проглотив за один присест несколько шоколадных шедевров местной кондитерской фабрики, где главным технологом работала мама добродушного толстяка, она тут же принялась за мармеладные пластинки из короб-

ки. Из ранца щедрого фокусника Мыны один за другим выскакивали шоколадные медведи, белки, зайчики, петушки и по команде отправлялись в широко распахнутый портфель Нины, который предусмотрительная девочка выставила перед самым носом обходительного кавалера. Потрясенный изменой, Давид успел заметить на безмятежном и удивительно счастливом лице Нины несколько прыщичков.

Внимательный взгляд ревнивца был вознагражден. Ага, у нее диатез, значит, толстяк скормил Нине не один портфель сладостей, промелькнуло в голове у Давида, вспомнившего категорическое предупреждение мамы — не есть много шоколада. Мелодичный звонок к началу урока смел со скамейки шоколадниц, и они упорхнули в класс в сопровождении лучшего друга Давида.

Пузан Мына больше не напоминал Давиду чегемского председателя колхоза, а скорее напоминал мальчиша-плохиша, который проглотил целую кондитерскую фабрику, а вместе с ней и его первую детскую привязанность к зеленоглазой девочке, что, казалось, непременно должна перерасти в большую и искреннюю любовь всей жизни.

Дедушке Галиму в свою очередь последний раз снились лавры Цицерона. Ему было известно все, как всегда, от тети Люси.

Прежде чем перейти к кульминации разговора, что не к лицу мужчинам из клана Алоевых демонстрировать слабость нервной системы, тогда как для прекрасных дам умение довес-

ти до белого каления окружающих – прекрасное занятие в жизни, Галим решил осторожно вывести у внука, а не хочет ли Давид после школы пригласить Нину к ним на обед?

Подстроенный вовремя разговор за утренним чаем дал неожиданный результат. После громкого и печального вопля детской души:

– Как мне жить на этом свете после всего этого?

И последовавшего перечисления всевозможных бед и несчастий, которые сулит предательство Нины, Давид отер беззвучно капающие с лица слезы и, отпихнув подальше от себя тарелку с лакумами, что с каждым всхлипом любимого внука сердобольная бабушка Мусульмат пыталась придвинуть поближе, спросил:

– А у тебя, дед, случилась такое, что девчонки предавали?

Дед задумался и сначала как будто готов был согласиться, а потом вдруг передумал, поймав на себе пристальный взгляд бабушки Мусульмат.

– Послушай, Давид. Я всегда восхищался нашей бабушкой. Но никогда не баловал ее вниманием, чтобы не зазнавалась. С самого начала и без колебаний я защищал свое мужское достоинство. И бабушка меня ни разу не подвела. И тебя очень прошу, не обнимай девчонок так рано, если хочешь обнять весь мир. И тогда ты обретишь ту, которую не стыдно любить вслух.

Для наглядности и убедительности своей правоты дедушка Галим подарил внуку новенький журнал «Вокруг света», который он специально выписал для этой цели.

Так, не выдержав испытания разлукой, нуждающаяся в постоянном внимании Нина навсегда ушла из сердца Давида. И лишь иногда незаконченный портрет девочки, лежавший среди книг, напоминал Давиду о бурном детском романе.

Наделенный психологической интуицией, дедушка Галим после того случая приметил покорность и повиновение Давида его установкам.

Не то, чтобы мальчик стал сама кротость, нет. Просто Давид всем своим видом неотступно подчеркивал принадлежность доблестному мужскому полу, добросовестно исполняя любую работу там, где она поручалась старшими. Легким итогом всего явилось и то, что зеленоглазый идол был сброшен с пьедестала обожания окончательно, и возникла ситуация, когда бывшие противники — дед и внук — оказались от этого в выигрыше.

Они вместе шли в школу, копались в саду-огороде, читали книги, о чем-то разговаривали и гордились своим мужским братством каждый раз, когда в беседу ненароком вмешивалась бабушка.

В душе у Галима неожиданно поселился покой и какая-то необъяснимая уверенность в таланте внука. Дедушке не надо было больше

вести нравоучительных бесед, перенасыщенных тяжкими вздохами о несостоятельности единственного внука Давида, и выбивать лень и непослушание при помощи ненавистных ему слов и рукоприкладства.

Давид научился смеяться над своими шалостями и к набору инструментов, к которому вынужден был прибегать дед, чтобы распутывать его детские хитрости, относился с пониманием.

Избранный

О том, что из тысяч жителей поселка Чегем, Господь избрал своим слугой именно его, симпатичного толстяка, готового за шоколадный бочонок с начинкой из сгущенного молока продать душу самому Иблису, было известно лишь одному человеку из миллиардов людей, населяющих планету Земля. Именно к ней, родной бабушке Мыны, явился той ночью Господь, чтобы оповестить ее о своем твердом выборе.

— Кулижан, — обратился к спящей старушке Всевышний, — Я выбрал твоего внука своим слугой на этой грешной земле. Ему предстоит великий путь — путь постижения истины.

От волнения старушка проснулась и долго не могла заснуть, и лишь под утро к ней пришло решение, которое она поспешила воплотить в жизнь. С первыми петухами глубоко верующая Кулижан извлекла из постели спящего без чувств внука и, досыта накормив его, повела в сельскую исламскую школу — медресе. Как и большинство избалованных чад, Мына с утра любил поваляться в постели. Вставал он не раньше полудня, к часу, когда надо было собираться в школу. Ничего хуже старушка придумать не могла, заставив бедняжку подниматься ни свет ни заря помимо его воли. И все же тревога, берущая свое начало в вещем сновидении, подавила знакомое чувство жалости. Кулижанан погрузилась в свои переживания. Ее собственная жизнь теперь казалась чередой скучных и последовательных снов,

прерванных удивительным предсказанием, способным изменить никчемность и убогость их существования. Она так нуждалась в том, чтобы ощущать себя неотъемлемой частью большого мира, и вот Господь побеспокоился о ней. Более того, вполне возможно, что сейчас он также наблюдает за ними. И божий гнев не замедлит себя ждать, если она не поторопится осуществить его замысел. Это было веским толчком, чтобы еще крепче вцепиться в пухлую руку внука, норовившую вырваться на свободу. Даже если в промозглой серости непроснувшегося дня они невидимы друг для друга и ползут, как ежики в тумане, то для Всевышнего – это не помеха. Он видит и знает, как она благодарна ему и следует его указанию. Значит, ранний визит к местному мулле предопределен, значителен и полон смысла для Арсенчика, заключила свои размышления Кулижан. Ей очень хотелось увидеть во всей этой истории универсальный смысл, делающей жизнь ее маленького внука по-настоящему великой.

Встретив молчаливое согласие полусонного Мыны, старушка отпустила зацепленную на «замок» руку внука, но не стала отходить от принципа последовательной обработки. По пути несмолкающая старушка докучливо объясняла избраннику о том, какая священная миссия возложена на него и что отныне он, толстяк Мына, будет учить Коран, священную книгу всех мусульман, и служить Аллаху – Господу нашему. И пока ад остается тем, что он есть для смертных, в его интересах вести

себя благоразумно. Старушка явно не жаждала поближе познакомиться с демонами и раскаленными докрасна вилами, что подтверждалось ее красноречием.

– Мына покорно плелся следом за своей бабушкой, радуя себя леденцами, которые один за другим он извлекал из порядком вздувшихся карманов куртки, чтобы принести их в жертву богу наслаждений.

Краем уха, уловив слова Кулижан о наградах господних, толстяк остановился и спросил:

– Бабушка, а что, тот, кто читает Коран и служит Аллаху, получит в награду все что захочет?

– Да, мой ангел, непременно, – сказала она без тени сомнений.

– Я могу попросить у него велосипед? – обрадовавшись неожиданной возможности, уточнил условие сделки Мына.

– В Коране сказано: тот, кто служит Всевышнему и читает Коран, получает за это самую высокую награду, – подтвердила бабушка Кулижан.
– Проси, что хочешь...

Мына не решился оспорить этот весомый аргумент, тем более, что важное и плодотворное сотрудничество со Всемогущим Аллахом сулило ему подарки, к которым он был всегда неравнодушен.

Хибарку, к которой вскоре подошли Кулижан и избранный небесным жребием Мына, едва можно было назвать школой. Это был омовельный домик из саманного кирпича при

сельском кладбище. Полулегальное учебное заведение открыло свои двери сельским прихожанам за год до того, как выбор Всевышнего пал нежданно на скромного и ничем не примечательного раба его – Мыну. Тут и сулили многим прихожанам, несмотря на внешнюю убогость глинобитных стен, скорейшее исполнение заветных желаний. Самым твердым доводом в пользу незыблемости соглашения между Всевышним Творцом и земными созданиями служил местный муалим Капитонц Тхагапцев. Почтеннейший находился в сани, не имея никакого образования, включая и религиозное. Однако это ничуть не смущало его и не мешало ему быть тем, за кого его принимали жители Чегема. В глазах последних Капитонц был потомственным священнослужителем, глубоко образованным человеком и преданным слугой Господа – Аллаху Таала. Кровная принадлежность великому роду Эфенди, к которому относился его покойный дед, получивший в Константинополе всесторонние духовные знания еще при русском царе, механическое чтение сур из Корана без всякого разумения, помогли изворотливому мошеннику стать единственным в районе муллой. К тому же Тхагапцев незаслуженно унаследовал в дар от ученого-предка множество философских книг на арабском языке. Каждый раз, когда его звали на похороны очередного усопшего, новоиспеченный мулла, желая использовать ситуацию в собственных рекламных целях, брал одну из старинных книг и зачитывал ее до дыр собравшемуся в долгий путь покойнику. Поставить в неловкое поло-

жение покойника Капитонц не мог, но жизнь присутствовавших на похоронах родственников сокращалась от безмерной проповеди. Доводил же он их бесконечными молитвами и нравоучениями до потери пульса. Понять и оценить содержание читаемых муалимом текстов никто из них не мог, так как ни разу не держал в руках Корана, но подспудно понимал, что Капитонц неестественным поведением творит с ними что-то нехорошее. Самым слабым и пожилым приходилось и вовсе не сладко. Они плюхались в обморок, обессиленные от долгого стояния на ногах, и долго не приходили в себя. Вокруг них обеспокоено причитали женщины, поднося лекарства. Все понимали, что Капитонц представляет серьезную проблему для их здоровья, но как-то было неловко думать и говорить вслух, что их жизнь дороже, чем уважение к провожаемому в последний путь покойнику. Вдобавок муалим, как бы невзначай напоминал, мол, отец, прежде чем отправиться в заоблачную высь, к самому Всевышнему, перепоручил миссию избранника исключительно ему, чем и предопределил нынешний статус непререкаемого авторитета. «Однако возблагодарим Господа за то, что он дал нам, смертным», – заканчивал всегда свои назидания Капитонц, полагая, что этим он искупил и свое незнание, и свою вину перед прихожанами. Каждая такая встреча с муалимом становилась своеобразным зеркалом, в котором отражались моральные, эмоциональные и психологические контуры жителей поселка Чегем. Небольшие недостатки, равно как и большие пороки, не беспокоили религи-

озного авантюриста, каким был Капитонц, поскольку альтернативы ему в Чегеме не было, и он крутил свой лицедейский бизнес, невзирая на лица и совесть. Что касается самих прихожан, злых и испорченных среди них не было, они лишь наивно волновались, что им в упрек могут поставить отсутствие добросердечия и склонность преувеличивать собственную значимость. Одним словом, прохиндею Капитонцу повезло, когда он оказался среди благодушных простаков.

– Ас-саламу Алейкум, мир вам, – приветствуя гостей, вышел на крыльцо Капитонц.

– Каких желанных гостей привел в нашу скромную обитель великий Аллаху Таала, – торжественно разводя руками, произнес Капитонц.

Величественный старик, представший перед Мыной, ясно и недвусмысленно намекал на свою принадлежность к восточному миру сказок. Чья-то неведомая воля создала ужасающую симметрию внешнего облика муллы согласно своему замыслу. Мальчик смотрел на него, не отрываясь, сраженный художеством муллы. С плеч Капитонца свисал небрежно накинутый восточный халат – чапон, на ногах вздымались заостренными крючковатыми носами кожаные красные тапочки, в дополнение толстый солдатский ремень вопреки массивной форме живота удивительным образом удерживал на необъятной талии брюки-галифе цвета хаки с многочисленными карманчиками. Круглую голову муалима прикрывала разноцветная тубетейка с арабской вязью.

Под орлиным носом выгибались тончайшей саблей рыжеватые усы. Маленькие, хитроватые голубые глазки смотрели пронзительно и в упор, стремясь уловить: с чем пришли? Под тонким налетом благовоспитанности дремали темные силы, о которых бабушка Кулижан не могла додуматься в силу своей неиспорченности. Мясистые щеки муалима, настроенного с утра снисходительно, горели предательски ярким пламенем, выдавая пристрастие хозяина к напитку греческих богов. Дело в том, что время от времени муалим давал выход своим низменным инстинктам, устраивая праздники души и тела.

Празднества эти продолжались днями, а то и неделями, и были отмечены неумеренной выпивкой и разгулом. Отголоски этих празднеств доносились и до бабушки Кулижан. Но она во все это не верила, замороженная величественным видом муалима. Капитонц, в свою очередь, не особенно переживал из-за своих греховных помыслов, не стыдился прихожан, стараясь вырвать и отсечь из своей жизни все, что вводит его в искушение. Наоборот, загулявший мулла любил изрекать: «Порок не грех, ведет к просветлению». Иными словами, темной стороне натуры Капитонца давно следовало дать хорошего пинка, найдись хотя бы одна твердая рука во всем Чегеме, способная огреть зарвавшегося муллу по мягкому месту. Случись такое, у Капитонца не досчитались бы многих частей тела, что унижительно и губительно было бы для его духовной карьеры.

Но о слабостях Капитонца молчали, зная, что любовь к вину была не единственной его неосторожностью среди прочего числа неосторожностей. Несмотря на многочисленные проповеди, слуге Всевышнего не удалось превратить свою жизнь в образцово-показательную. Жил муалим на закате дней один. Пятая по счету супруга, молодая и аппетитная, покинула его также без сожаления, прихватив остатки добра от прежних разводов. Как выяснилось, второй и самой безнравственной неосторожностью Капитонца были женщины. С возрастом обе слабости окончательно овладели стариком и все чаще, уступив одной из них, он проигрывал и второй.

Однажды изворотливого муллу позвали на обручение молодоженов в соседнее село, где не подозревали о проказах старика. После совершения акта обручения благодарные родственники жениха пригласили всех гостей за праздничный стол. Шаловливый Капитонц в пылу веселья не только напился до чертиков, но и принялся целовать руку приглянувшейся ему молодой невесте. С тех пор, если и прибегали к услугам священнослужителя, то старались избавиться от него прежде, чем тот хмельным взглядом начинал оглядывать чужих жен.

— Капитонц, я самая счастливая женщина на свете! — возбужденно поглаживая по голове своего внука, произнесла Кулижан.

— Я видела Всевышнего во сне, как тебя сейчас,
— сказала Кулижан и от счастья прослезилась.

Капитонц, привыкший к такого рода причудам, невозмутимо смотрел на старушку и с участием слушал ее.

– Он явился ко мне и сказал, – с упоением воскликнула она. – О, Кулижан! Я избрал твоего Арсенчика из миллиона, очистил и возвысил его над внуками всех других родов для спасения души твоей. Благоговей пред Господом твоим. Ниц пади пред Ним и преклони колени, как преклоняются пред Ним другие. Отдай же внука своего и раба моего Арсенчика служению Всевышнего. Не упusti свой шанс! Да свершится воля моя. Аминь.

Сокрушенная необычайным везением, старушка то причитала с молитвой на устах, не зная, что делать со свалившейся на ее плечи божественной благодатью, то смиренно прижимала руки к груди в ожидании благословления от наместника Всевышнего.

– Всю ночь не спала и вот решила к тебе обратиться, Капитонц, что делать мне теперь?

При этих словах Капитонц вытянулся, обратил свой взор к небесам и, набрав воздуха в свои могучие легкие, издал пророческий вердикт :

– О, Отец наш небесный, пути твои неисповедимы, да свершится воля твоя. Аминь.

– Ты правильно сделала, что пришла ко мне, уважаемая Кулижан, – обратился к изнеможенной ожиданием старушке Капитонц. – Для меня великая честь учить слову божьему и воле его такого сущего ангела, как твой внучек Арсенчик.

– Да благословит наши намерения Аллаху Таала. Аминь.

Расцеловав Капитонца, излучая божественный свет от счастья, которое ниспослал ее семье Господь, Кулижан скрылась за кладбищенской изгородью, оставив безропотного внука доверенному муалиму.

С этого дня единственной реальностью для мальчика стали небеса. Сон старушки непредсказуемым образом изменил жизнь любителя всяческих забав и всего сладкого.

Все реже Давиду доводилось видеть своего добродушного друга Мыну на улице, а если это и происходило, то в редкие дни, когда юный эфенди бежал на похороны, чтобы принять участие в поминальной службе. Постепенно свершилось неминуемое.

Из милого, обаятельного, дружелюбного парнишки Мына превратился в подобие прежнего друга, но с вместилищем других мыслей, чувств, желаний, не имеющих ничего общего с их давними детскими увлечениями. Казалось, что в Мыну вложили некий алгоритм, определяющий, что и каким тоном он должен говорить и думать.

Слухи об ошеломляющих успехах будущего эфенди, его примерном поведении, интеллектуальном превосходстве над всеми остальными сельскими мальчишками не сходили с уст чегемцев.

Давид сочувствовал Мыне, думая, что при виде бабушки Кулижан он непроизвольно

зеленеет от страха быть наказанным, а его чувствительный мозг, равнодушный ко всякого рода обещаниям и подаркам, принимает форму мягкого пластилина и того же зеленого цвета. Давид, сам того не понимая, интуитивно приблизился к той правде, которая станет понятной ему много лет позже.

В каком-то смысле мы зависим от близких людей, которые вместо нас принимают решения: как жить, к чему стремиться и чего хотеть от этой жизни. В какой-то мере мы являемся результатом деятельности людей, которых принято обозначать как родительские гены. Об этом, увы, узнаешь только через осознание жизненного опыта. Впереди была целая жизнь. И каждый шел своим путем.

Прощание

Это был обычный летний день. У Давида были долгожданные каникулы, а у дедушки Галима очередной трудовой отдых, и ничего не предвещало неисправимому оптимисту беды. Его вера в свои силы и стабильное будущее все еще были крепки, хотя Советский союз трещал по швам, а старость с каждым годом отнимала у дедушки Галима все больше сил. Но необычайно сильный дух старика стойко держался и переносил все удары глобальных перемен, которые переживали жители все еще, казалось бы, нерушимой, как сама вечность, исполинской страны.

Дедушка Галим лежал в своем гамаке и по привычке перелистывал учебник зарубежной географии за 9 класс. Содержание книги он знал наизусть. Вот уже сорок с лишним лет он каждый вечер просматривал его снова и снова, чтобы, не дай бог, не забыть даже малейшей географической детали этого огромного пестрого мира.

Убаюканный теплым летним ветерком и сладким ароматом спелого плода белого налива, дедушка Галим заснул на 35 странице учебника. Во сне ему явилось видение: старик гулял по широким Елисейским полям, рассказывая сопровождающим его ученикам об исторических памятниках Парижа, его правителях, французской революции и многом другом, что ему было известно о старушке Европе.

Путешественника, затерявшегося в чужих краях, разбудил голос дочери.

– Папа, проснись, мне нужно тебе сказать что-то очень важное, – сказала мама Давида, только что вернувшаяся из Москвы.

– В стране обесценятся деньги. Советские рубли превратятся в макулатуру. Страну ждет неминуемое банкротство. Тебе нужно срочно отovarивать свои сбережения.

Старик взглянул на дочь и с хитрой ухмылкой произнес:

– Знаю я ваши штучки, опять у старика хотите выудить деньги на импортное барахло. Это надо же! Как такое в голову пришло?! Это единственное на земле место, где государство не может быть банкротом! – фыркнул дедушка Галим и, прикрыв свой длинный нос учебником, вновь захрапел.

Дедушка Галим при всех своих достоинствах был скуповат. Всю свою жизнь он копил деньги и с большим трудом расставался с ними, когда нужно было что-либо купить. Особенно болезненно дедушка Галим расставался с деньгами, когда покупаемая вещь не могла пригодиться в его хозяйстве. С неукротимой одержимостью отшельника он покупал мешками муку, сахар, подсолнечное масло, макароны и консервы. Всю свою жизнь он готовился к большому голоду или войне.

К невольному скопидомству его приучила страна, где обязательное привидение голода и войны были ненадуманными страшил-

ками, а неожиданными поворотами судьбы миллионов людей, которые так и норовили разрушить крепкий советский тыл. За эти странности дедушку Галима осуждали в доме все, кроме его преданной супруги, которая во всем поддерживала мужа. Ей было известно, что пришлось пережить дедушке Галиму, когда он был маленьким.

Семья дедушки Галима дважды лишалась всего имущества, которое она наживала годами. Первый раз во время коллективизации, когда Советская власть отняла у его семьи сады в Нальчике, второй раз, когда война с фашистскими захватчиками razорила все село и его семью. Затем был послевоенный голод. И каждый раз благодаря своему трудолюбию и силе духа семья Галима восстанавливала родовой дом и начинала наживать добро заново.

Чаще всего дедушка Галим вспоминал послевоенное время, когда ему было тринадцать лет, и он с отцом работал за трудодни в местном колхозе.

За работу они получали каждый месяц пуд муки, несколько кубиков сахара и пуд соли. Семья дедушки Галима была большой, как все кавказские семьи того времени, и этого едва хватало на неделю. У дедушки Галима было три сестры и маленький брат. Он был самым старшим в семье, и из детей работать приходилось именно ему. Смерть младшего брата, умершего от тифа в то голодное время, потрясла Галима и оставила тяжелый отпечаток на всю его жизнь.

Однажды отчаявшись, отец дедушки Галима взял своего сына, и ночью они отправились в сторону колхозного поля, чтобы добыть немного кукурузы. Из кукурузной муки мама дедушки Галима месила мамалыгу (лепешки). Когда они возвращались с мешком кукурузы, их поймали военные, охранявшие колхозное поле. Отца дедушки Галима расстреляли бы без слов, если бы с ним не было ребенка. Когда мужчину повалили на землю и приставили к затылку винтовку, мальчик выбежал на дорогу и начал кричать, что было сил. Отняв кукурузу и избив мужчину до крови, военные, в конце концов, отпустили их, приказав молчать.

Когда дедушка Галим проснулся, была глубокая ночь. На небе мерцали звезды, совершенно свободные от всех обязательств, налагаемых на них грешными людьми на земле. Галиму не хотелось верить, что вековой покой этих мест может быть нарушен снова, но диалог с дочерью запал в душу. «Зря я так категоричен с дочерью, а вдруг вздумают потрошить карманы, бывало же всякое в стране», – сказал он звездам в свое оправдание и, вдохнув прохладный вечерний воздух напоследок, покинул свое укрытие, чтобы спуститься к шкафчику в спальне. Шкафчик служил дедушке Галиму сейфом. Здесь он хранил свои медали за труд и просвещение, отцовский кинжал, фамильные обручальные кольца и ценные бумаги. Содержание его тайника было известно всей семье, не только ему одному. В детстве Давид любил

следить за бабушкой, когда тот, словно богатая невеста, перебирал свое добро, а затем укладывал каждую вещь обратно в шкафчик, сопровождая церемонию подробным комментарием: где, когда и за что он удостоился высокой чести.

На этот раз дедушка Галим достал из шкафчика только государственные облигации, тщательно пересчитал их и со словами: «Зарабатывайте сами и покупайте, что хотите, а меня оставьте в покое», – уложил ценные бумаги назад в шкафчик. Когда на следующий день в новостях объявили о финансовом крахе страны, дедушка Галим поливал помидоры. Услышав страшную весть, он бросился в дом к заветному шкафчику. Пока перепуганная бабушка Муслимат гладила выходной костюм супруга, Галим проклинал себя за то, что не послушал своих детей. Но все же где-то в глубине души все еще грезилась надежда, что можно исправить положение.

Когда дедушка Галим подъехал к сбербанку, его взору открылась шокирующая картина. Кошмар был наяву. Разъяренная толпа штурмовала здание банка. Стоял дикий крик. Вкладчики били окна увесистыми кирпичами, теряли чувства и снова вливались в атакующий здание банка поток разгневанных денежными потерями людей. Старик очнулся в больнице.

– Где я? – спросил он расплывчатый силуэт.

– Вы в больнице, дедушка, – услышал он голос девушки. – Вы потеряли сознание. Но теперь все в порядке.

– У Вас сгорели все сбережения? – сочувственно продолжила она. – Мой отец тоже мечтал о зажиточной старости, но видно оставаться ему в старых заштопанных носках.

Галим утвердительно кивнул головой.

– К нам с утра человек пятнадцать поступило с сердечными приступами. И все после того, как узнали, что стали нищими.

– Но у вас, слава богу, с сердцем обошлось. Можете ехать домой, если хотите. Мы позволим вашим близким, и они заберут Вас.

– Нет. Нет. Я поеду сам, – сказал Галим и приподнялся с койки. – Плохо, дочка, когда нет правды. Вместе – тяжело, а порознь – и вовсе невозможно, – сказал Галим и вышел из больницы.

С того дня дедушкины глаза смотрели на этот мир с печальной трезвостью обманутого вкладчика. Галим утратил веру в страну, частью которой являлся он сам. Мир стал неузнаваемым и чужим, и старик чувствовал, что с каждым днем ему остается все меньше и меньше места в нем. Вместо покоя и согласия с миром в сердце поселилась свинцовая усталость разочаровавшегося человека. Ему больше не хотелось возделывать огород и сад и обожаящим взглядом наблюдать за тем, как на отдельном участке земли процветает его фазенда, когда рушилась страна.

В пылу реализации глобальных замыслов великая страна поддалась искушению дать под дых огромному числу соотечественников,

терпеливо переносившим причуды «наемной казармы», и дедушке Галиму было суждено увидеть, как она без крайней нужды пожирает своих детей. Давид проснулся от пронзительного крика лошади и беспорядочного топота копыт. Он вскочил с кровати, натянул шорты и, ведомый лошадиным зовом, выбежал во двор. Крики доносились со двора дядюшки Мушарифа. Давид ухватился за ветку старого грецкого орешника и ловко взобрался на верхушку дерева. То, что открыла его взору полуночная луна, ввергло мальчугана в ужас.

Дядюшка Мушариф, ревя нечеловеческим голосом, наносил своей лошади удар за ударом, обрушивая с кувалду кулачища на несчастное животное. Лошадь металась из стороны в сторону, пытаясь вырваться из мертвой хватки хозяина, но могучие тиски рук держали ее за гриву и не отпускали. В какое-то мгновение, когда к Мушарифу вернулось сознание, и он, прозрев, отпустил животное, кобыла вздыбилась и обрушилась на обезумевшего хозяина с высоты своего могучего роста. Мушариф издал истошный крик и притих навсегда. С утра двор покойного начали заполнять люди. Усмирившееся тело дядюшки Мушарифа горой лежало посреди двора на погребальной доске с ручками. Люди подходили и прощались с безвременно ушедшим. Многие его даже не знали, но приходили и приносили соболезнования близким. Таков был обычай.

Давид с дедушкой Галимом сидел среди других соболезнующих за длинным столом под

навесом, куда подходили и подсаживались прибывающие на похороны люди.

– Да, всю жизнь Мушариф мучился. Жил, как животное, и умер, как животное, – сказал кто-то из них.

– Да простит его Аллах, нет греха на нем, – сказал другой. – Будет Всевышний справедлив, накажет того, кто лишил его работы. Ферма утешала несчастного.

– Говорят, ферму выкупил чиновник из района. Он купил ее у колхоза за большие деньги, – вступил в разговор двоюродный брат дедушки Галима, Латиф. – Как пришел, так и сразу всех разогнал. Не оставил никого из прежних работников.

Хватит молоть языком, – прервал соседей дедушка Галим, потирая дощатый стол своей большой ладонью. – Время хоронить несчастного, вон мулла Капитонц приехал со своими малолетними учениками. Не знаю, куда катится этот мир, но дай, Аллах, здоровья нашим детям, а мы? Все отжили свое.

Когда тело покойника вынесли со двора, кобыла, убившая своего хозяина, издав пронзительное ржание, вышибла грудью дверь сарая и галопом понеслась вслед за телом усопшего дядюшки Мушарифа. С тех пор рыжую лошадь никто не видел. Животное не вернулось домой, хотя соседи долгое время держали ворота распахнутыми.

Черная дыра

Давид давно не видел своего глубоко верующего друга. Начинаящий мулла настолько увлекся религией, что потерял всяческий интерес и к нему. Возможно, тихий голос из глубины души робко подсказывал ему, что пора возвращаться в детство, где у него были друзья. Но бабушка Кулижан и муалим Капитонц вынудили Мыну всем сердцем полюбить наложенное на него наказание. Мальчик теперь хотел только одного: пять раз на день совершать намаз и терпеливо ждать вечного исполнения желаний.

Давид нашел толстяка за совершением полуденного намаза. Мына сидел на коленках в центре своей комнаты и, бубня себе что-то под нос, отдавал поклоны один за другим коврику. На появление Давида в комнате толстяк не обратил никакого внимания. Смутным напоминанием о времени, когда Всевышний и мулла Капитонц еще не оказали мальчугану «милости», служил заброшенный под диван школьный портфель. Мына без сожаления бросил школу, которая не вела его к заветной цели.

— Эй, чем это ты занимаешься? — усаживаясь напротив друга, произнес Давид.

Мына продолжал молиться, монотонно раскачивая тело и держа глухую оборону.

— Толстый, я тебя спрашиваю, ты что делаешь? — повторил Давид, изогнувшись дугой и

пытаясь перехватить взгляд снизу, когда тот отрывался от пола.

Толстяк продолжал судорожно шевелить губами и совершать поклоны. Беспокойство, уныние и растерянность одновременно овладели Давидом и заставили его отойти подальше, к дверям, где он, замерев недвижно, продолжал следить за необычными телодвижениями мальчика.

Странное чувство, похожее на жалость к человеку, превратившемуся в гротескное подобие механической игрушки, вызывал в нем вид Мыны.

Со временем поклоны участились, губы мальчика зашевелились быстрее, голубые глаза закатились за веки, и казалось, вот-вот Мына войдет в транс и больше никогда не выйдет из него. Но, неожиданно стихнув, он привстал с коленок, подошел к Давиду и приветственно поклонившись, произнес:

– Ас-саламу алейкум, Давид!

– Мына, ты что, совсем рехнулся? – придя в себя, отреагировал Давид.

– Я совершал намаз, немного отдохну и приступлю к чтению второй джуды, – перебирая четки, ответил как ни в чем не бывало Мына.

– Сейчас месяц Рамадан, это священный месяц мусульман. Коран читать особенно полезно в это время. И если я буду читать по одной джуде в день, а текст Корана состоит из 30 джуд, то к концу святого цикла закончу чте-

ние священной книги. И Всевышний наградит меня за это своей милостью.

Давид не слушал своего друга. Он вообразил, что после многих лет тяжелого и упорного труда его бывший друг детства сделался архангелом. В этом варианте жизнь Мыны теряла для него всякую привлекательность. Давид собирался жить на земле, а его друг уже присматривался к небесам. Давид собирался поиграть в футбол.

А Мына целиком принадлежал коврику. Внимание Давида приковали к себе стены комнаты, на которых еще недавно были наклеены цветные фотографии американских кинозвезд Сталлоне, Роберта де Ниро, Шварценнегера, Джеки Чана.

— Куда только подевалась нежная любовь Мыны к западным вестернам и фантастическим фильмам, под которые заглатывались горы шоколадных плиток и сладкого печенья? — разозлился про себя Давид.

Их место теперь занимали плакаты с изображением Каабы — квадратного черного камня в Мекке, тексты из сур и вырезки из различных арабских книг. Было понятно, что мальчик заручился поддержкой информационной среды, в которую попал благодаря бабушке. Видеть религию повсюду и находить ее в обыденных вещах — это уже было слишком...

— Не валяй дурака, Мына. Оставь это дело своей бабушке, — возмутился Давид. — Это им

нужно. Они старые и боятся смерти. Тебе-то чего молиться?

Толстяк нахмурился, отвернулся и потопал из комнаты, не проронив ни слова. Несказанное повисло воздухе: «Я бы потолковал с тобой по-дружески, Давид... Но скучное это занятие»!

Давид раздраженно привстал с дивана, но все же одернул себя и решил дожждаться Мыны. Прошла целая вечность, прежде чем Мына вернулся и уселся рядом с Давидом. Мына явно намеривался сказать что-то очень важное.

– Мы грешны Давид, нет нам спасения, Гореть нам в аду. Лишь в молитве Всевышний Аллаху Таала дает нам шанс очиститься. Моли бога, Давид, моли его и, возможно, он простит тебя! – церемонным голосом произнес толстяк и выпалил очередную выдержку из Корана.

– За что гореть в аду? Я чист, как слеза! Ты что, Мына? Что я тебе плохого сделал? – выпалил потрясенный откровением друга Давид. – Ну и роль тебе досталась, дружище. Вы что это с бабушкой сочинили, пока я тут ждал тебя?

Мына, прийдя в смятение оттого, что ему не поверили, уныло пробормотал:

– Это не выдумка, Давид. Это правда.

Давид молча смотрел на толстяка, пытаясь понять суть происходящего. Его поразил объем информации, который успел вобрать в себя мальчик, который еще вчера получал тройки по русской литературе. Такой прорыв не был заслугой бесталанного Капитонца. Мына вби-

рал знания об исламе из источников, которые в изобилии поступали в исламскую школу, созданную Капитонцем. Привозная литература из Турции, Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии просачивалась вместе миссионерами в тихую сельскую обитель в неограниченных количествах. Конечно, поначалу Мына с трудом научился читать, но уж потом обучался со скоростью, которая подтверждает тезис Хомского о врожденной лингвистической системе у каждого, кто имеет хоть какой-то уровень IQ.

– Я скоро уезжаю учиться в Кувейт, – вдруг взбодрившись, произнес Мына. – Меня пригласили учиться в Кувейтский исламский институт «Альмаахаду-д-дини». Это большая честь, Давид. Из нашей школы только я буду постигать истину на земле пророка Мухаммеда. Нам несколько дней давал уроки ученый из Кувейта. Он и выбрал меня из всей группы. Прощай, Давид, иншаллахы, – сказал снисходительно Мына и проводил друга к дверям.

Мыну провожали всей улицей. Все радовались успехам толстяка. Больше всех радовалась бабушка Кулижан, которая уже видела своего внука уважаемым человеком в Кувейте.

Вскоре за шакирдом приехала иномарка, и Мына отправился в далекий путь за универсальным смыслом жизни.

Три года спустя

Летом 1994 года в соседней Чечне началась война. Смертоносная воронка разрасталась по Северному Кавказу, как злокачественная опухоль, затягивая в свою орбиту все новые регионы и жизни безвинных людей. Спустя два года скорбные вести вторглись и в дом Кабардоковых. Жребий пал на самого слабого. Окрепший в плечах Цыфа все еще был плаксивым ребенком, когда, обрив голову и усадив в военный грузовик, новобранца Кабардокова вывезли в пылающее жерло чеченской войны. Через месяц вместо живого Цыфы вернули пустой оцинкованный гроб. Горе сковало больное сердце отца семейства Кабардоковых, и вскоре вслед за сыном Тут оставил этот безумствующий мир без сожаления.

В день, когда похоронили Тута, дедушка Галим не находил себе места. Он ходил из угла в угол, затем, уgomонившись, задремал. Проснувшись, он взял топор и срубил громадную голубую ель, которая четверть века служила величественным украшением скромного двора, ненавязчиво возвещая всем о безраздельной преданности ее хозяина ушедшей в небытие стране.

В том году Давид поступил в университет. По просьбе бабушки Мусульмат Давид подал документы на медицинский факультет. Счастьем стариков не было предела, когда внук уехал в город биться за диплом врача.

Они постоянно высылали Давиду посылки, стараясь поддерживать здоровье «бедного студента». Давид в свою очередь скучал по ним и навещал их каждую неделю, но с годами поездки в Чегем становились все реже и реже.

Давид вышел из аудитории и в спешке покинул здание вуза. Когда он шел по аллее университетского парка, его окликнул знакомый голос старика. Дедушка Галим стоял в тени каштана, спрятавшись от жгучих лучей майского лета. Близилась защита, и дедушка Галим решил поддержать внука.

– Дедушка, – крикнул Давид и бросился обнимать старика.

– Как я рад тебя видеть, родной мой, – сказал он, прижимая к сердцу внука. – Давно ты нас не навещал. Вот, бабушка приготовила тебе гостиницы – твой любимый кабардинский сыр, чеснок и мамалыгу.

– Дедушка, ты неисправим. Тебе же врачи сказали не гулять в такую жаркую погоду.

– Давид, дорогой, не могу же я прохлаждаться, когда ты здесь один мучаешься. Вон как похудел. Лица на тебе нет. Кожа да кости. Питаешься плохо, – произнес старик и покачал головой.

Они сели на скамейку и дедушка Галим, не отрываясь, слушал Давида, отвечавшего на его замысловато замаскированные вопросы.

– Вот, защитишься, и мы сразу тебя женим, мой дорогой, – удовлетворенно заключил свой допрос дедушка Галим. – Мы с бабушкой тебе присматриваем невесту. Ты уж нам доверься. Не прогадаешь, – сказал он и тепло улыбнулся. – Малютку мы твою продали. Она постарела, молока дает мало, а вот аппетит как у младенца. Нынче все дорого. Кукуруза дорогая, а сено еще дороже. Все земли в частных руках, не договоришься. Работы никакой. Молодежь уезжает из села, везде запустенье. Получается: кто не торгует, тот не живет. Кстати, твой друг детства Мына объявился. Помнишь его? Говорят, в Чечне воюет. Видели соседи, как ночью приезжал Кулижан проводить. Совсем плоха старушка, долго не протянет.

– Как в Чечне? – опешив, переспросил Давид.
– Как он там оказался?

– Люди рассказывают, боевиком стал, – глухо ответил дедушка Галим. – Одному Богу известно, как его туда занесло и чему его учили в Арабистане. Где это написано, что за убеждения убивать надо! В какой священной книге! Говорил я его бабушке, не отдавать мальчика в чужие руки. Не послушалась. Деревенская слепота и простодушие сгубили парня. А с Капитонца что взять? Закрыв медресе свое. Напуган сильно. Ученики его обвинили в невежестве и богохульстве. Они же построили в деревне огромную новую мечеть. Вместе с нею селяне разделились на тех, кто ходит в мечеть и разбойничает и на

тех, кто пьет с утра до вечера от жестокого разочарования. У людей нет достойного занятия. А когда его нет, шайтан находит убежище в людских душах. И они легко становятся мерзавцами. Такой бардак в стране, что криком кричи...

В этом месте голос дедушки изменился, и он поспешно оборвал свою речь.

— Ну, ладно, что я тебе все это рассказываю, мой дорогой. Зачем тебе это знать. У тебя своя дорога в жизни. Слава Богу, что ты нашел себя. Но не забывай, ты обещал повидать за меня Париж и наполнить свою жизнь красотой и счастьем. Мне уже, видно, не придется. Бабушка далеко не отпускает.

Галим обнял крепко еще раз своего внука, бережно вложил сверток с деньгами в руки Давида, поцеловал на прощание и исчез, умиротворенный беседой, в разношерстной студенческой толпе, захватившей его в свой стремительный поток на пути к выходу из университетского парка.

Отклонившаяся от толпы шляпа деда несколько раз мелькнула коричневым пятном, а затем и вовсе потерялась из виду.

Комфорт, рестораны, такси были не про него. Он пошел, как всегда, пешком до самого пригородного вокзала.

С той встречи прошло немало времени. Давид строил свое настоящее таким образом, чтобы сформировать для себя определенный тип будущего, о котором мечтал для него

дедушка Галим. Связь со стариками поддерживалась, но потихоньку она перерастала в дипломатический обмен любезностями по телефону.

В тот день Давид шел по вымощенной речным камнем узенькой парижской улице, когда в сумке зазвонил телефон.

– Уи, уи, – беспечно отозвался Давид. На том конце связи испуганно замолчали.

– Людовик, это ты? – осмелился, наконец, спросить потрясенный незнакомым голосом дедушка Галим. Так старик в свое время прозвал Давида за его склонность к лени и любовь к праздникам.

– Да, дедушка Галим!

– Дорогой мой, это ты, как я рад слышать тебя.

– Дедушка, как вы там без меня?

– Все хорошо, Давид дорогой, я просто звоню узнать, как ты. У нас все в порядке. Живем, слава Аллаху, не нуждаемся, пенсии хватает. Бабушка немного приболела, но ничего – такова старость. Она передает тебе большой привет.

– Дедушка, я приеду этой весной, обязательно. Вы держитесь, не болейте. Я вас очень люблю и скучаю.

– Ты ради нас не торопись в дорогу, решай свои дела как следует, – одернул внука Галим.

После витиевато долгих кавказских пожеланий здоровья и счастья на том конце положили трубку. Это был последний разговор со стариком.

Я так и не поехал той весной к дедушке. Зимой их не стало. Друг за другом, тихо, стараясь уйти незаметно, они покинули этот мир. Но тепло и любовь, которыми они озарили мою жизнь с малых лет, будет согревать мое сердце до конца дней моих.

С любовью, ваш Давид

Содержание

Знакомство	4
Школа.....	10
Нескучное лето Давида.....	15
Битва за разум внука.....	23
Побег Давида	29
Школьный роман	39
Сад дедушки Галима.....	52
Рогатое чудо	64
Похищение Малютки	76
Отец	87
Поединок чести	97
Испытание разлукой.....	104
Избранный	114
Прощание	126
Черная дыра.....	134
Три года спустя	139

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Литературно-художественное издание

Ислам Текушев

Кавказская пастораль

Компьютерная верстка Алина Березина

Рисунки автора

Корректura Алоева Лариса

Издательство «Medium-Orient»

www.medium-orient.com

www.caucasustimes.com

(+420) 608-859-806

tekushev@caucasustimes.com

Подписано в печать 12.02.2009.

Формат 75х90/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 5,21. Уч.-изд. 4,16.

Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Прага, Белогорска 120,

Чешская Республика

2009 год

ISBN: 80-86313-24-7
JPMTISK s.r.o.

